Голое платье звезды

Автор:
Дарья Донцова

Голое платье звезды

Дарья Аркадьевна Донцова

Любимица фортуны Степанида Козлова #12

Истинное призвание Степаниды Козловой – помогать людям! Но разве могла она предположить, что, пообещав девочке-гимназистке найти ее маму, столкнется с чудовищным обманом и предательством… Успешная владелица риелторского агентства Вера Чернова попала в СИЗО по обвинению в убийстве. Якобы она отравила двух своих клиенток и украла деньги, отложенные теми на покупку квартир. А в изоляторе временного заключения к ней явился призрак Салтычихи и приказал молчать. История Веры оказалась не только запутанной, но еще и жуткой… Однако во всем этом Козлова разберется, а вот известие о неожиданной смерти Романа Звягина – большого друга, владельца фирмы «Бак» и, по слухам, жениха Степаниды – просто-таки выбило почву из-под ног…

Дарья Донцова

Голое платье звезды

© Донцова Д.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

Если будешь белой и пушистой, то из тебя сошьют шубу…

Я поставила коробку с тенями на стол.

– Лерочка, на мой взгляд, лучше хорошо относиться к людям, а не плохо.

– Папа тоже так говорит, – кивнула девочка. – Но потом, правда, тихонько добавляет: «Но если будешь белой и пушистой, из тебя сошьют шубу. Иногда кое-кому надо и в глаз дать!» А вы как думаете?

Я не успела ответить – дверь гримерки распахнулась, появилась полная дама лет пятидесяти, в дорогом платье. Она строго произнесла:

– Валерия, тебя все ждут! Это неприлично! Даже английская королева везде появляется вовремя, а ученица Чернова никак к нам не выйдет.

– Мадонна на два часа начало своего концерта задержала, и ничего, все молчали, – буркнула себе под нос Чернова.

Я быстро стряхнула с кисточки лишнюю пудру.

– Простите, Зинаида Федоровна, это моя вина. Забыла в машине парик Валерии, пришлось бежать на стоянку. Пока туда-сюда смоталась, почти полчаса прошло. Парковка-то у ворот, по саду гимназии ездить нельзя.

– Абсолютно верно, – кивнула Зинаида, – если разрешить кому ни попадя по территории разъезжать, мы лишимся газонов и цветов. Ускорьтесь, Степанида. И впредь не забывайте прихватить все необходимое, отправляясь на работу, за которую вы получаете очень приличные деньги. А тебе, Валерия, от всей души желаю никогда не походить на женщину-чудовище, которая в непотребном виде скачет по сцене, показывая неприличные жесты. Козлова, сколько вам надо времени, чтобы приготовить Чернову к репетиции? Сутки?

– Четверти часа хватит, – смиренно ответила я.

– Безобразие! – покраснела недовольная учительница. – Нужно было начать прогон в шестнадцать ноль-ноль, сейчас четыре часа ноль две минуты, а слониха все еще не готова. Учтите, я засекла время: если Валерия в положенный час не появится на сцене, вам срежут оплату за сегодняшний день. Ясно?

– Вы абсолютно правы, – сказала я.

В глазах Зинаиды промелькнуло удивление. Она повторила:

– Все устали ждать Чернову. Если хоть на десять секунд задержитесь, ополовинят ваш гонорар.

– Вы абсолютно правы, – сказала я. – Нельзя опаздывать, наказание мое совершенно заслуженно.

Зинаида Федоровна открыла рот, мгновение постояла молча, потом развернулась и ушла.

– Злобина противная, – прошипела Лера, когда училка скрылась из виду.

– Лучше этого вслух не произносить, – заметила я, не удержавшись от улыбки. – Услышит кто-нибудь, как ты преподавательницу обзываешь, и тебе влетит.

Девочка рассмеялась.

– А вот и нет!

– Хочешь сказать, что в вашей гимназии нет ябед? – уточнила я. – В моей школе одноклассницы частенько бегали «стучать» классной руководительнице друг на друга.

Валерия развеселилась еще сильней.

– Знаете фамилию Зинаиды?

– Нет. Только имя с отчеством, – ответила я.

– Она Злобина! – сообщила Валерия. – Это тот случай, когда данные паспорта с человеческой сущностью совпали. Училка нам недавно на уроке объясняла, как русские фамилии образовались. Некоторые произошли от профессии – например, Кузнецов, Поваров, и если кто-то такую носит, значит, его предки всякую всячину из железа ковали или еду готовили. А есть фамилии от прозвищ или физических недостатков. У Горбунова в роду точно горбун имелся, а у Доброва, похоже, все добрые в семействе были. Так я чуть не лопнула, пытаясь не расхохотаться. Зинка-то наша – Злобина! Значит, ее прапрадед какой-нибудь Кощей Бессмертный или палач кровожадный. Я не могу «злобиной» в лицо ее называть: госпожа Злобина, добрый день… Вот же ржачка! Но почему она сейчас так быстро заткнулась, не стала вас пилить? Обычно-то классуха мозг чайной ложкой через нос медленно вынимает.

– Если хочешь предотвратить скандал, скажи тому, кто предъявляет к тебе претензии: «Вы правы», – посоветовала я. – Согласишься с обвинениями, и фонтан злобы захлебнется. Ну раз, ну два, ну три к тебе пристанут, но, услышав очередное «вы правы», отвяжутся. Трудно конфликтовать с тем, кто с тобой согласен. Вот если возражать или что-то недовольное себе под нос бубнить, тогда выяснение отношений на неделю затянется. Еще совет: если педагог к тебе придирается, нужно сказать маме, а самой не огрызаться, это даст вредной тетке возможность упрекать ученицу в хамстве.

Лера вскинула голову.

– Не собираюсь поддакивать Зинке-дуре! Мадонна ей, видите ли, не нравится… Я от певицы тоже не в восторге, но она всего сама добилась, денег у нее вагоны. Злобина просто звезде завидует. Училка обо всех, кто в телике появляется, про наших и не наших звезд, всегда гадости говорит. А насчет того, чтобы матери пожаловаться… Нет у меня мамы, умерла.

– Прости, – тихо сказала я, – не знала. Я тоже росла сиротой, не помню своих родителей, меня воспитывала бабушка.

– Я в первом классе училась, когда мамочки не стало, – уточнила Лера, – но она до сих пор у меня перед глазами стоит. А у вас и папы нет?

– Нет, – ответила я, – только бабуля, Изабелла Константиновна, все зовут ее сокращенно – Белка.

– Она пенсионерка? – поинтересовалась девочка. – Поэтому вы в нашей гимназии ребят для спектакля гримируете? Бабушке надо дорогие лекарства покупать? Денег не хватает?

Я улыбнулась.

– Белка замужем, у них с супругом своя фирма. Проблем с финансами нет. Наоборот, бабуля вечно норовит мне на карточку денег подбросить, хотя я сама себя вполне обеспечиваю. Я главный визажист фирмы «Бак», постоянно работаю на показах во многих странах мира, под моим началом немалая команда стилистов. Раньше часто брала заказы – готовила невест к свадьбам, именинников к дню рождения. Но теперь более не нуждаюсь в приработке, так как заслужила хороший оклад. Представляешь, один раз мы со Стефано, моим учителем, вице-президентом «Бака», причесывали… кошек.

– Правда? – опешила Валерия.

– Нас пригласили сделать красивыми жениха, невесту, гостей, – кивнула я, – но не предупредили, что свадьба предстоит кошачья.

– И что вы сделали, когда животных увидели? – захихикала Валерия. – Ушли?

– Стефано в тот период жизни требовались деньги, мне тоже, поэтому мы, хоть и сильно удивились, все же остались и сделали хвостатых участников торжества очаровательными, – пояснила я. – Повеселились от души! Клиенты оказались покладистыми, не требовали переделывать укладку. А сейчас помогать в подготовке вашего детского спектакля я согласилась потому, что мой друг, Костя Столов, приятель Игоря Арина.

– Отца моей одноклассницы Насти? – протянула Валерия. – Они очень богатые.

– Ты тоже не бедная, – заметила я. – На первом этаже висит стенд, где в числе прочих есть сведения, сколько стоит семестр в этой гимназии. Такую сумму малооплачиваемым родителям не потянуть. Игорь попросил Костю пригласить

меня, а я не могла отказать Столову. Посмотрись в зеркало. Если хочешь, я могу добавить румян, но есть риск в этом случае стать похожей на матрешку. Сейчас ты просто супермодель.

– Ну да, в костюме слона, – расхохоталась Валерия. И вдруг посерьезнела: – Как вы думаете, меня бы взяли на подиум?

Я внимательно посмотрела на Леру.

– У тебя хороший рост, фигура, лицо, на котором можно все нарисовать… Да, ты можешь попробовать себя в модельном бизнесе. Но не советую.

– Почему? – удивилась Валерия. – Ходить в красивой одежде с суперским макияжем, получать уйму денег, летать по всему миру…

– Это только вершина айсберга, – сказала я, прилаживая к голове девочки здоровенные уши из какого-то тонкого материала серого цвета, – основная же часть спрятана под холодной черной водой. Вечная диета, многочасовые съемки в неудобной обуви и одежде, испорченные от постоянных укладок волосы. Да и ежедневные перелеты из страны в страну не добавляют здоровья. Но главное не это. Модель зависит от многих людей: фотографа, главного редактора гламурного журнала, модельеров и их окружения, богатых клиентов модных домов… Карьера может рухнуть в одночасье. Многие фирмы устраивают частные показы новых коллекций для своих постоянных обеспеченных покупателей. Знаю одну девочку, которая демонстрировала платье для жены… не скажу тебе кого. Манекенщица улыбнулась, чтобы понравиться женщине, когда проходила мимо клиентки, которая пришла в сопровождении двадцатипятилетнего сына. А та вскочила и зашипела: «Эта шлюха пытается соблазнить моего мальчика! Губа не дура! Или ее немедленно увольняют, или я более к вам ни ногой!» Как ты думаешь, что сделал создатель коллекции, услышав сие заявление? Тетка эта скупает у него тотальный лук, то есть комплект: платье, туфли, шуба, пальто, сумка, серьги, ожерелье, кольцо, брюки, блузка, кардиган, куртка, ну и так далее, после ее отъезда в кассе модного дома всегда появляется полтора-два миллиона евро. Дамочка прибывает в Париж минимум четыре раза за год: сезон весна – лето, затем осень – зима, плюс пляжная коллекция и специальная новогодняя, а еще есть особые предложения, пошив на заказ… Ну и кого, как ты думаешь, модельер отправил лесом – клиентку или модель?

– Наверное, выгнал девушку, – сказала Валерия.

– Но и это еще не самое неприятное, можно пристроиться в другую фирму, – продолжала я, собирая палетки с тенями. – Век модели короткий, с четырнадцати до двадцати трех, максимум до двадцати пяти-шести лет. Дальше «вешалка» никому не нужна. Хорошо, если она успеет выскочить замуж – в противном случае жизнь ее не покажется веселой. Хорошего образования нет, ну и чем заниматься ей по жизни? Когда девочки говорят: «Хочу в модели», они представляют себя Водяновой. Но Наталья одна такая. И тех, кто на слуху, кто участвует в показах Шанель, Прада, Миу Миу, Луи Виттон, Дольче энд Габбана, не так много. Да, у них хорошие контракты, они много зарабатывают. Но ты уверена, что попадешь в их число? Что выдержишь конкуренцию? Не сломаешься, когда потребуется в течение суток для рекламы каких-нибудь духов на Эйфелеву башню с внешней стороны в люльке подниматься? Бо?льшая часть фотографов часами ищет нужный кадр, они ужасно капризны. Если что-то не получится, виноватой назовут модель, а не того, кто на нее объектив нацелил. Придираться будут так, что ты Зинаиду Федоровну Злобину с умилением вспоминать станешь, она тебе шоколадным пирожным покажется. Поэтому советую: лучше получи хорошую профессию. А сейчас беги скорей на сцену, иначе учительница шум поднимет.

Лера направилась к двери. На пороге она обернулась.

– Степанида, спасибо вам.

– Рада, что моя работа тебе понравилась, – улыбнулась я.

– Из меня получился прикольный слон, – хихикнула Валерия, – но я благодарю не за грим. Вы не ходили на парковку за париком, ничего не забывали в автомобиле, это я на полчаса опоздала. Но вы взяли вину на себя, меня выручили. И получили по полной за то, в чем не были виноваты.

– Ерунда, – отмахнулась я, – тебе бы сильнее нагорело.

– Вы меня пожалели? – уточнила Валерия.

Я кивнула.

– Почему? – удивилась девочка. – Мы с вами не подруги, виделись всего три раза.

– Представила себя на твоем месте и поняла, что нужно спешить на помощь, – засмеялась я.

Глава 2

В четверг я приехала на работу около одиннадцати утра. Вошла в флагманский магазин «Бак», двинулась по первому этажу, услышала, что меня кто-то окликает, обернулась и увидела свою новую помощницу Кристину Светкину: ее неделю назад взяли на испытательный срок.

– Степа, к вам девушка пришла, – сообщила она. – Симпатичненькая, высокая, худенькая. Я отвела ее в кабинет.

– В чей? – уточнила я.

– В ваш, – расцвела в улыбке девушка.

Чтобы не разозлиться, мне пришлось сделать глубокий вдох.

– Кристина, вы работаете у нас семь дней, и я вам много раз за смену говорила, что посетителей необходимо провожать только в приемную на первом этаже.

– Вы вчера по телефону сказали Роману Глебовичу, что ищете новое лицо для рекламы «Бака», а гостья идеально подходит. Прямо супер, – затараторила Светкина.

Я опять набрала полную грудь воздуха, подумав, что креативный секретарь – кошмар начальника.

– Кристина! Правила первого приема людей одинаковы для всех. Даже для тех, кто потом станет везде представлять фирму. Сделайте одолжение, проводите посетительницу в приемную, я сейчас туда подойду.

– У меня глаз-алмаз, – зачастила помощница, – прямо чую, что она в яблочко!

– Хорошо, – кивнула я. – И тем не менее в приемную.

– Мой глаз – алмаз, – повторила Кристина. – Реально алмаз, все сечет. Самый алмазистый алмаз!

Я молча направилась в коридор.

– Так что делать? – крикнула мне в спину Кристина.

Пришлось собрать все свое терпение в кулак.

– Препроводить гостью в приемную.

– Там нет окон, – возразила помощница. – И зеркал.

– И что? – удивилась я.

– Вы не сможете на ней макияж испытать, – заявила Кристина.

– В приемную, – процедила я и поспешила скрыться из поля зрения навязчивой девицы. Войдя в зал, где представлена губная помада, я оторопела. У входа стоял голый манекен, у которого губы были окрашены в темно-бордовый цвет.

– Настя! – позвала я завотделом. – Иди сюда!

– Что-то не так? – спросила Анастасия, подбегая.

Я показала на манекен.

– Зачем здесь это жуткое создание? И почему оно обнаженное?

– Ну… э… ну… – забормотала Настя.

– По какой причине на лице у него макияж в осенних тонах? – вопрошала я дальше. – Если ты забыла, то сейчас июль. «Бак» объявил текущий месяц алым, бордо у нас представлялось в ноябре.

– Э… э… э… – опять невразумительно пробормотала Анастасия.

– И последний вопрос! Кто велел поставить сюда сию гадость? – вскипела я. – «Бак» посещают родители с детьми, кредо нашей фирмы – не эпатировать публику. А что видят мамаши с малышами, входя в твой зал? Голую тетку со всеми анатомическими подробностями. Лицо у нее размалевано так, что Пикассо от зависти на том свете рыдает, а от живота… как бы это поприличнее сказать… к тому месту, где ноги соединяются с туловищем, идет надпись, сделанная все той же бордовой помадой. Ну-ка переведи мне ее.

– Не могу, – пропищала Настюша.

– Да? Почему же? – ехидно осведомилась я.

– Она из иероглифов, – ушла в минор Анастасия.

– Так, так… – протянула я. – Вчера иду по отделу праздничных наборов и слышу восхитительный диалог. Нефедова, старшая продавщица, обслуживает щедрого старичка, который своей внучке самый большой набор фирмы «Бак» берет. И уж так Роза старается-улыбается, подарки старичку за дорогую покупку набирает.

– Розка лучшая, – оживилась Настя, – она даже бегемоту шампунь для окрашенных волос втюхает.

Я пропустила мимо ушей чудесное словечко «втюхает».

– И вдруг дедуля спрашивает: «Красавица, как вы себя чувствуете?» Нефедова удивилась: «Нормально. А что? Я плохо выгляжу?» «Как сочный персик на заре, – успокоил ее галантный пенсионер. – Вижу, у вас на руке татуировка… Оно, конечно, модно». «Верно, – кивнула Роза. – Вы против наколок?» Дедок закатил глаза. «В мою молодость их делали только зэки да еще моряки, которые якорь рисовали. Но времена меняются, а я совсем даже не ханжа. Просто забеспокоился, когда надпись на вашей руке увидел. Сейчас июль, а там

написано «Продукт годен до апреля». Весенний месяц давно прошел, вот я и подумал, вдруг у вас со здоровьем нелады?» Нефедова стоит, моргает, а дедуля сообщает: «Я переводчиком с японского работаю, до сих пор на службе. Если вам какие-то лекарства из Токио нужны, скажите». Милый такой старичок, но ехидный. Я потом у Розы спросила, где она эту красотищу набила, а она промолчала. И вот, глядя сейчас на манекен, я подумала: что, интересно, ему на пузе вывели? Вдруг непотребное изречение? И вообще, кому на ум взбрело такое отчебучить?

– Вам, – выпалила Настя.

– Мне? – подпрыгнула я. – Да никогда в жизни! Я постоянно твержу, что мы в России живем, наш покупатель на русском разговаривает, никакого иностранного суржика в навигации по залу и в рекламе я не потерплю.

Анастасия резко выпрямилась.

– Пришла ваша новая помощница Кристина, велела фигуру у входа водрузить и так расписать. Я у нее спросила: «А Степанида в курсе?» Девушка ответила: «Конечно. Она сама эту акцию придумала для оживления интерьера зала». Я и подумала, что у каждого человека может приступ кретинизма случиться, и вы не исключение. Степа, вы ничего не знали?

– Убери эту жуть, – попросила я. – Разберусь с Кристиной.

– У вас телефон трещит, – подсказала Настя.

Я взяла трубку и услышала щебетание помощницы:

– Степанида, девушка вас давно в приемной ждет, нервничает. Вы придете? Развлекаю ее тут пока, чтобы не скучала, веселые истории из жизни фирмы «Бак» рассказываю. Ну, как Оля Волгина у вас в Париже с подиума головой прямо в главреда журнала «Евромода» упала, ногу сломала, зуб выбила, нос набок свернула…

Вот тут я поняла, что чувствовал Иван Грозный перед тем, как приказать рубить го?ловы боярам.

– Кристина, немедленно уходите оттуда!

– Но гостья затоскует, – возразила Светкина.

Оцените мое самообладание! Я ответила коротко:

– У нас не Диснейленд.

– Можно ей чайку принести? – продолжала помощница. – С печеньем.

– Посетительница вас слышит? – уточнила я.

– Конечно, мы рядышком, как попки-неразлучницы.

Я подумала, что ослышалась.

– Как кто?

– Веселые попки-неразлучницы, – повторила секретарша.

Тут я должна вам сообщить: на беду, я, Степанида Козлова, обладаю слишком ярким воображением. На пару секунд перед моим мысленным взором возникла картина: две большие задницы восседают за столом в переговорной. Вопрос: чем они улыбаются?

– Мы прямо как попугайчики подружились. Так разрешите ей чай притащить? – чирикала Кристина.

Я прогнала видение, хотела сказать: «Да», но тут меня покинуло самообладание. Вкупе с толерант-ностью.

– Да хоть кофе, кефир, какао, лимонад с мармеладом, вафлями, крекером и все в одной кружке! Главное – валите из переговорной немедленно!

– Вы думаете… – начала Кристина, но я нажала на экран и понеслась к лифту.

Видимо, выражение лица у главного визажиста «Бака» было сейчас как у голодного людоеда. Служебных подъемников у нас три, и около них вечно толпится народ, но когда я подлетела к кабине, все расступились. И никто не пошел вслед за мной внутрь. Наверх я ехала в гордом одиночестве, повторяя в уме фразу, которую непременно скажу Кристине: «К сожалению, мы с вами не сработаемся, пройдите в отдел персонала за расчетом».

Прежде чем войти в переговорную, где находилась девушка, которую я уж и не помню, когда приглашала, я заглянула в туалет. Глянула на себя в зеркало и строго сказала своему отражению:

– Спокойно! Посетительница не виновата, что Кристина глупее индийской курицы. Возможно, я случайно сказала какой-то модели: «Мы сейчас проводим кастинг, загляните в «Бак», если хотите». Вообще-то мне несвойственно делать подобные заявления, но иногда самоконтроль меня подводит. Возьми себя в руки, улыбнись девушке. Ну, вперед и с песней!

Я вымыла руки холодной водой и поспешила в переговорную.

Глава 3

Войдя в помещение, я хотела поздороваться, но, увидев посетительницу, так удивилась, что выпалила:

– Валерия? Почему ты не в гимназии?

– Потому что сижу здесь, – пожала плечами девочка. – Здравствуйте, Степа.

– Добрый день, Лера, – спохватилась я. – Да, я предложила тебе заглянуть в «Бак», но ты ведь еще несовершеннолетняя, поэтому я не имею права обсуждать с тобой участие в кастинге без взрослых: отца, бабушки или кого-то из родственников.

Валерия, как в классе, подняла руку.

– Нет, нет, я не на кастинг. У меня к вам просьба… странная. Вы покупателей регистрируете?

– Есть узкий круг клиентов, как правило, тех, кто ежемесячно оставляет в магазинах большие суммы, – пустилась я в объяснения. – Список таких людей находится в вип-отделе, они получают приглашения на наши мероприятия, подарки. А почему ты интересуешься? А-а-а-а… Ты увидела, как продавщица дает кому-то чемоданчик с набором косметики? С удовольствием сделаю тебе такой презент.

– Спасибо, не надо, бабушка увидит и пристанет с вопросом, где я его взяла, а я не хочу ей говорить, что к вам приезжала, – отказалась Валерия. – Значит, если покупатель обычный, его нет в вашем списке и узнать, где он живет, нельзя?

Я призадумалась.

– Ну, мы еще выдаем скидочные карты, для их получения человек должен заполнить анкету, написать свои данные: имя, фамилию, электронный адрес. Почтовый не нужен – его только у випов спрашивают, чтобы презенты на дом доставлять.

– Большинство людей расплачиваются кредитками? – не утихала Лера.

– Как правило, да, – согласилась я.

– А на чеке указан номер пластика и название банка, – воскликнула девочка. – Если женщина вчера купила набор «Принцесса», можно найти ее данные?

– На платежном документе? – уточнила я.

– Ага, – кивнула Лера. – Тогда я узнаю, где она держит деньги. В банке точно адрес клиента есть. Или телефон.

– Кстати, мы номер мобильного в анкете на получение скидки просим указать, – уточнила я. – Правда, многие отказываются почту и номер сотового писать. Не хотят, чтобы к ним реклама приходила. А теперь объясни, почему ты все эти вопросы задаешь. Ты кого-то ищешь?

– Да, – шепнула Валерия. – Одна женщина вчера в пять часов вечера зашла в «Бак», а когда вышла, у нее в руках был розовый чемоданчик с золотой надписью «Принцесса».

– Набор для девочек от трех до шести лет, – кивнула я. – В нем шампунь, кондиционер, духи, гигиеническая помада со вкусом ягод, крем для рук, гель для тела, полотенце, резиновая собачка для ванной, купальная шапочка, губка в виде кошки, альбом, куда надо помещать наклейки… Девочки это обожают.

– Значит, у нее есть дочь, – странным голосом произнесла Валерия.

– Не обязательно, – улыбнулась я. – Вероятно, эта покупательница собиралась в гости в дом, где живет малышка. Французы прекрасно чувствуют себя, явившись на ужин без презента, а в России считается неприличным ходить в гости с пустыми руками. Хозяйке полагается букет, хозяину несут бутылку, а их ребенку игрушку. Или набор из нашей линии для детей. Для мальчиков мы делаем сундучок, вместо изделий в виде кошек-собак там губка-телефон и резиновый ноутбук. Шагаем в ногу с прогрессом. Но объясни, кого и зачем ты пытаешься отыскать? Я попробую тебе помочь, если только ты не задумала что-то нехорошее.

Валерия сцепила пальцы рук в замок.

– Я хожу на занятия к логопеду. У меня проблемы со звуком «р», я немножко картавлю.

– Вот как? Хм, я не заметила, – улыбнулась я.

– Осталось пару раз доктора посетить, я уже исправила речь, – вздохнула Лера. Он живет в доме, где на первом этаже салон красоты, соседнее с вашей фирмой здание. Я вышла из метро…

У Валерии сорвался голос, и в этот момент в переговорную вошла Кристина с двумя литровыми кружками в руках и с улыбкой во все зубы.

– Вот вам вкусняшка! – пропела она, ставя кружки на стол.

– Однако как-то странно этот напиток выглядит… – пробурчала я себе под нос. – Спасибо, вы можете идти.

– Извините, я задержалась с напитком, – начала оправдываться Кристина, – кофе-то и чай в шкафу есть, а какао, мармелада…

– Спасибо, – повторила я.

Кристина села в кресло. Я посмотрела ей прямо в глаза.

– Благодарна вам за напитки, вы свободны.

– Так я работаю помощницей, – заявила Светкина, – обязана присутствовать при переговорах.

– У нас личная беседа, – отрезала я, – нам с гостьей надо остаться тет-а-тет.

– Мне уйти? – уточнила глупая особа.

– Да, – отрезала я.

– Вы уверены? Одной сложно справиться, – затараторила помощница, – я легко возьму на себя бумажную работу – составление договора. Я имею юридическое образование…

– Кристина, идите вон! – велела я. – Быстро!

– Так бы сразу и сказали, – не обиделась девица. – Если понадоблюсь, буду в холле. Мне точно уйти?

Желание схватить более чем непонятливую красотку за шиворот и выпихнуть ее из кабинета достигло такой остроты, что я, дабы не совершить непозволительного поступка, схватила кружку и сделала большой глоток в надежде, что чай или кофе слегка утихомирят волну злости. Но питье оказалось столь отвратительным на вкус, что я выхватила из коробки на столе сразу несколько салфеток, выплюнула в них пойло и простонала:

– Ну и дрянь! Даже на бензоколонке у железнодорожной станции такую не подают. Из чего вы сварганили это пойло?

Кристина оттопырила губу.

– Сами попросили, а теперь не нравится? Я приготовила по вашему личному рецепту: чай, кофе, какао, кефир, лимонад, все в одну чашку, плюс мармелад, печенье…

Я онемела. А Кристина неслась дальше:

– Поэтому литровые кружки пришлось купить, в нормальные интеллигентные чашечки этот коктейль бы не влез. За задержку извините, не все нужное в шкафу нашлось.

И тут до меня дошло: ни один человек не может сделать такую глупость, Кристина меня специально выводит из себя. Вот только не знаю почему.

Я улыбнулась.

– Замечательный напиток, но насладиться им я не могу, слишком сладко. Принесите лимон.

– Какой? – уточнила Кристина.

– Лимонный, – ответила я. И на всякий случай пояснила: – Кислый.

– Желтый или зеленый? – деловито уточнила Светкина. – Они разные.

– Оба. И в придачу свеклу, – велела я. – Только выдавите из нее сок.

Кристина кинулась к двери.

Я посмотрела на притихшую Леру.

– Извини, пожалуйста. Никогда с сотрудниками таким образом не разговариваю, но эта девушка может и ангела самообладания лишить. Ее взяли недавно, и я вначале думала, что Кристина не поняла, как надо работать. Затем решила: она нервничает из-за того, что находится на испытательном сроке. А сейчас меня осенило: помощница издевается надо мной. Не знаю, по какой причине ей это в голову пришло, и знать не хочу. Ее сегодня же уволят. Но давай вернемся к твоей проблеме. Ты сказала, что вышла из метро, а продолжить не успела из-за появления секретарши с адским пойлом. Говори, пожалуйста, я очень внимательно тебя слушаю.

Валерия прижала руки к груди.

– Я вышла из метро и остановилась у вашей витрины. Оформление часто меняют, и оно всегда прикольное. Сегодня там белки плюшевые, все с пудреницами. Ми-ми-ми прямо. И вдруг…

Девочка замолчала. Я улыбнулась.

– Тебе что-то из товара понравилось? Новый набор «Принцесса»?

– Вы мне не поверите, – прошептала Лера, – подумаете, что у меня крыша поехала.

– Все-таки скажи, – попросила я, с тревогой глядя на Леру – цвет лица у нее стал буквально серым.

– В магазине стояла моя мамочка! – выпалила Валерия.

В первую секунду я не поняла, как реагировать на услышанное. Затем осторожно спросила:

– Лерочка, извини, если я делаю тебе больно, но… Но ведь вроде твоя мама умерла?

– Да, – кивнула Лера, – умерла, я вам про это говорила. Мне тогда только-только семь лет исполнилось, сейчас уже тринадцать.

– Прости за напоминание о страшном дне, – пробормотала я, – но ты, наверное, присутствовала на похоронах. И ходишь иногда на могилу… э… не знаю, как твою маму звали.

– Ее имя Вера Михайловна Чернова, – уточнила Лера, – она работала риелтором, владела фирмой «ДТМ». Аббревиатура расшифровывается как «Дом твоей мечты». А на похороны меня не взяли. Могилы у мамулечки нет, ее тело кремировали. Ниша в стене сделана, там урна. Я один только раз колумбарий посетила, и мне не понравилось – очень холодно было, стена мрачная, около таблички с именем мамы крохотная вазочка приделана, и из нее один цветок торчит, искусственный. Все это ужасно выглядит. Вы не подумайте, что я забыла маму, просто…

Валерия съежилась.

– Я знаю, что она скончалась от тяжелой болезни… Ой, я путано говорю, вы меня дурой, наверное, считаете…

– Ты все понятно объясняешь, – ласково сказала я, думая, как связаться с родственниками девчонки, у которой явно проблемы с психикой.

На щеки Валерии вернулись краски.

– Можно все-все рассказать? Пожалуйста, выслушайте! Мне очень плохо.

Я хорошо помнила себя тринадцатилетнюю. Особо близких подруг у меня не было, поэтому после занятий я чаще всего брела домой одна. Меня редко звали в гости, в кино, на дискотеку. Отчасти непопулярность ученицы Козловой среди сверстников объяснялась тем, что я жила не в ближайшей к школе деревне, как все дети, а на значительном удалении, в отеле «Кошмар в сосновом лесу»[1 - Подробно о детстве Степы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Развесистая клюква Голливуда».]. А еще я не могла похвастаться знаниями, безропотно получала свои тройки и четверки, на уроках зевала, к тому же не носила модную одежду. Лет в двенадцать я пришла к выводу, что господь не одарил меня красотой, и начала плакать по вечерам в ванной. Меня очень тяготила необходимость вставать в несусветную рань, чтобы успеть к первому уроку, а ведь еще нужно было выполнять домашние задания и помогать бабушке в отеле. К тому же я растолстела, и ребята в классе начали меня дразнить…

В общем, жизнь казалась мне ужасной, школа – тюрьмой. Я ощущала полнейшее одиночество, ненужность, мучилась из-за своей уродливой внешности. Но вот же странность: никогда не тосковала по погибшим родителям. Почему? Может быть, потому, что совсем их не помнила. Для маленькой Степы папой-мамой являлась в едином лице Белка. Но ведь бабушке все не расскажешь. Для того чтобы пожаловаться на свою несчастную жизнь, нужна хорошая подруга, а ее-то у меня и не было. Похоже, у Валерии тоже нет «жилетки».

Мне стало очень жалко девочку, поэтому я сказала:

– Конечно, говори.

И полился рассказ Валерии.

Глава 4

…Семья Черновых была благополучной и счастливой. Вера Михайловна и Владимир Николаевич владели фирмой «ДТМ». Ангелина Сергеевна, мать Владимира, вела хозяйство, заботилась о маленькой Лерочке. Девочка ходила в детский сад около дома. Жили Черновы в хорошей пятикомнатной квартире, которую когда-то купил отец Володи, крупный адвокат. Николай Петрович хорошо зарабатывал, в семье имелись машина и дача. Валерия дедушку не застала, тот давно умер, но бабуля иногда рассказывает о муже, вспоминает, как они любили друг друга. Ангелина Сергеевна никогда не работала, вела домашнее хозяйство. В прежние советские времена Черновы считались зажиточными. Но после смерти Николая Петровича семья быстро прожила свои накопления. И вот тогда родители Валерии стали заниматься торговлей жильем.

У Веры Михайловны не было дружной семьи, ее отец с матерью постоянно прикладывались к бутылке. И мать Леры редко вспоминала их, рано умерших от алкоголизма, зато охотно рассказывала, как тяжело и трудно жила, став сиротой. Как работала за копейки, чтобы не умереть с голоду, как устроилась мыть полы на рынке и как помогала покупателям дотащить до автомобиля наполненные сумки. Но, подчеркивала Вера, она чувствовала в то время себя счастливой. Копеечная зарплата соединялась с чаевыми, вполне приличную

одежду можно было купить в секонд-хенде, торговки с рынка часто давали ей продукты. Не распродала молочница весь творог, осталось у нее полкило – домой она товар не повезет. У колбасницы капризные клиенты, все как один требовали: «Не кладите на весы «попку» от батона, срежьте ее». К концу дня обрезков набегало на добрый килограмм. В общем, домой Верочка возвращалась с туго набитой кошелкой.

Кстати сказать, она еще делилась съестным с подопечной бабушкой. Сирота помогала одинокой старушке, соседке по дому: убирала ее квартиру, стирала белье и не брала у пенсионерки денег, просто жалела ее. Жизнь казалась ей прекрасной, люди на рынке любили приветливую, услужливую, честную девочку, готовую постоять за прилавком, если продавщице приспичило отойти. Верочка старательно мыла и пол, и прилавки, не сидела на месте, мухой летала по помещениям.

Однажды бабушка-соседка спросила Верочку:

– Хочешь подработать?

– Да! – обрадовалась та. – Очень!

Старушка протянула ей бумажку.

– Вот тебе адрес. Там живет Ангелина Сергеевна, моя давняя клиентка. Я ведь парикмахером работала, делала ей прически. Так вот, Лине нужна домработница, два раза в неделю.

Верочка расцеловала бабулю и помчалась к Черновым, которые очень удачно жили в паре минут ходьбы от ее дома. Дверь открыл Володя…

Через полгода сыграли свадьбу, и у Верочки началась новая жизнь – она стала обожаемой женой, любимой невесткой, а потом счастливой мамой. Через какое-то время супруги задумали открыть агентство покупки-продажи жилья. Казалось, солнце всегда будет сиять на небосклоне Черновых.

Но вдруг замаячила беда.

Вера заболела гриппом и решила перенести недуг на ногах – у нее была выгодная сделка. И что вышло? Деньги-то Чернова заработала, а вот здоровье потеряла. Из-за несоблюдения постельного режима у нее отказали почки. Больница, диализ, смерть.

От маленькой Валерии правду скрыли. Когда мама вдруг куда-то подевалась, бабушка спокойно объяснила внучке:

– Мамуля улетела в Екатеринбург, там твои родители открывают филиал фирмы. Она не скоро вернется.

Лерочка очень скучала по маме. Вера Михайловна убегала из квартиры рано утром, возвращалась поздно вечером, но воскресный день всегда проводила с дочкой. Они ходили в зоопарк, в музеи, в магазин, читали книжки, слушали пластинки. А теперь Валерии так не хватало мамы… Но Вера Михайловна не вернулась даже в день рождения дочки, не прилетела проводить ее в первый класс. Придя на первую линейку, Лерочка горько заплакала. Всех детей сопровождали группы взрослых: мамы, папы, бабушки-дедушки, дяди и тети, а Леру Чернову привела в школу одна-единственная Ангелина Сергеевна, которая к тому же забыла захватить фотоаппарат и поэтому не сделала ни одного снимка.

Праздник не принес девочке положительных эмоций. Лерочка сильно обиделась на маму и папу, которые не захотели даже на время оставить ради нее работу. Слова бабули: «Валерия! Нельзя быть такой эгоисткой, родители зарабатывают тебе на жизнь» – не успокоили ее. Первоклассница рыдала так, что ее до начала торжественной части отправили домой.

К занятиям Лера приступила только в середине сентября – от расстройства она заболела. Но учеба шла через пень-колоду. А мама не возвращалась.

Вскоре Леру неожиданно забрали из гимназии и отправили в далекое Подмосковье, в интернат для больных детей. Валерии стало совсем плохо. Ни папа, ни бабушка, ни мама ее не навещали, на Новый год к ней никто не приехал. В конце концов Лерочка перестала рыдать. Малышка смирилась с тем, что ее выгнали из дома, перестала стоять все свободное время у окна, глядя на дорогу, по которой к центральному входу подъезжали машины, и попыталась жить дальше.

А в феврале в интернате появился Владимир Николаевич Чернов. Сначала он зашел к директрисе, потом в кабинет вызвали Лерочку. Кроме отца и начальницы интерната в комнате находились еще психолог, врач и медсестра.

– Лера, сядь и выслушай меня спокойно, – попросил папа.

Девочка покорно опустилась на стул. Она знала, что в лесной школе учатся несколько детей из приютов. Детей, которых бросили родители. Маленькая Валерия решила, что отец прибыл, чтобы сообщить ей, что они с мамой и бабушкой больше не хотят ее воспитывать и оставляют навсегда в этом подмосковном интернате. Странное дело, девочка не испугалась, не заплакала. Наверное, у нее просто закончились эмоции, а вместе с ними иссякли и слезы.

Но папа неожиданно рассказал, что Вера Михайловна не уезжала ни в какую командировку, а тяжело заболела и легла в больницу. Ей требовалась пересадка почки. Мама очень надеялась на донорский орган, но у нее была редкая группа крови, поэтому она так и не дождалась операции. Мама умерла. Все.

Когда прозвучали последние слова, Лерочка, ожидавшая услышать от отца другое, не поняла, что случилось. Она робко спросила:

– Меня оставят жить здесь навечно? Я стану детдомовкой?

– Конечно, нет! – воскликнул отец. – Придет же такая глупость в голову… Мы с бабушкой отправили тебя сюда, так как не хотели говорить о том, что мама умирает. Мы очень надеялись на чудо, на операцию, которая вернет ей здоровье и жизнь. Но чуда не случилось: что ж, теперь ты знаешь правду. Вера от нас ушла. Собирайся, мы уезжаем домой.

Из всей папиной речи Лера уяснила лишь одно: лесная школа уходит в прошлое, она возвращается в Москву и снова будет жить одна в своей комнате, а не в спальне с тремя противными соседками.

– Ура! – закричала малышка и бросилась отцу на шею.

Однако в родную квартиру Валерия не попала, оказалось, что за прошедшее время Черновы переехали в другой район. Учиться девочка пошла в другую

гимназию, не в ту, куда ее определили в первый класс, и в новой у нее сложились хорошие отношения и с ребятами, и с учителями.

Все шло замечательно. Вопрос, где ее мама, в голове Лерочки не возникал довольно долго, но однажды она подошла к бабушке и поинтересовалась:

– Когда мамочка из командировки вернется?

Ангелина Сергеевна удивилась, но ответила спокойно:

– Никогда. Она умерла. Ты забыла? Папа же все тебе объяснил.

– Мамы не будет совсем? – уточнила Лера.

– Да, – вздохнула Ангелина Сергеевна.

Лера ушла в свою комнату и стала размышлять над словами бабушки. Мама никогда не вернется, она умерла… Разве это возможно? Нет, конечно. Мамулечка в командировке.

До девяти лет Лерочка жила в уверенности, что рано или поздно увидит маму. Бабушка и папа не вспоминали Веру Михайловну, в квартире не было ее фотографий, день рождения, дату смерти матери в семье не отмечали, на кладбище девочку не возили. И Лера считала, что мама рано или поздно вернется из затянувшейся поездки…

Валерия прервала рассказ и посмотрела на меня.

– Дурочка я, да?

– Ты просто маленькая была, – возразила я. – Психика ребенка нашла способ сохранить его разум.

– Понимание пришло, когда папа женился на Елизавете Федоровне, – поморщилась Валерия. – Только тогда до меня дошло: мать ушла навсегда. Другая женщина заняла своими вещами ее шкаф, готовила на кухне еду, жила в одной комнате с папой… Вообще-то у меня к Лизе претензий не было. Она

хорошо ко мне относилась, делала подарки, хотела подружиться. Папа велел мне звать ее мамой, но я не смогла. Через какое-то время меня перевели из любимой школы в платную гимназию. А тут… Ну вы сами видели Злобину. И ребята в классе под стать Зинаиде: считают меня оборванкой, нищей, потому что я приезжаю на занятия на метро, а их шоферы доставляют. Почти у каждого школьника есть охрана, разговоры ведут только об их домах в Лондоне или еще где-то за границей… А папа, после того как с Лизой развелся, постоянно забывает вовремя деньги в кассу гимназии внести, и Злобина громко при всех объявляет: «Чернова, опять твой отец в должниках!» Короче, не очень-то весело мне живется. И вдруг я увидела маму в вашем магазине! Я вошла внутрь, но не бросилась к ней, потому что решила: это просто очень похожая женщина. Очень-очень похожа. Прямо копия. Встала к ней почти вплотную, и она на меня посмотрела. Но не узнала. Что ж, это понятно, я ведь мало на себя, дошкольницу, похожа.

Лера поправила волосы.

– От природы у меня каштановый цвет, а в мае я в блондинку перекрасилась и коротко постриглась. Сама некоторое время свое отражение в зеркале не узнавала. Знаете, от той женщины пахло маминими духами. Забыла, как они называются… Аромат ландышей, а флакон длинный, с золотой пробкой. Их во Франции делают. Бабушке духи не нравились, она один раз сказала: «Вера, твой парфюм очень навязчивый, ты уходишь, а запах остается в комнате. Смени фирму». Мамочка возразила: «А мне аромат нравится. С детства их люблю, такими моя мама пользовалась, у нее в шкафу всегда два-три флакона про запас стояло». В тот день я все стояла рядом с женщиной в вашем магазине, смотрела на копию мамули и оторваться не могла, нюхала знакомые духи… Потом увидела, что она набор «Принцесса» купила. И вдруг…

Валерия вскочила.

– Понимаете, женщина руку за пакетом протянула, и я увидела… У нее на внутренней стороне ладони длинный шрам, я его помню… Уверена, это моя мама была! Она! Живая! Мне хотелось к ней броситься, да ноги к полу приросли. И закричать не смогла – голос пропал. Стою молча, как будто в статую превратилась, а на голову мне словно ткань набросили, полупрозрачную: все вокруг видно, но как в дыму. Потом неожиданно темно стало. Открываю глаза, а продавщица у меня под носом что-то вонючее держит и говорит: «Девочка, тебе плохо? Сейчас врача вызовем». Я испугалась и попросила: «Не надо никакого

врача». Но она за телефон схватилась, и мне пришлось удрать.

Глава 5

Вечером того же дня мы со Столовым сидели в кафе.

– И ты девочке поверила? – хмыкнул Костя, намазывая масло на хлеб.

– Да, – кивнула я.

– Степа, мертвые не ходят по магазинам, – усмехнулся Столов. – У них денег нет, а бесплатно у нас даже зомби ничего не отпустят.

– Тебя ничего не смутило в моем рассказе? – поинтересовалась я.

Константин взял вилку.

– Кроме того, что Лера заметила в торговом зале давно похороненную женщину? Нет. Девочка явно психически нестабильна. Она столкнулась с теткой, внешне напоминающей ее мать. Только и всего!

Я взяла меню.

– Лера, рассказывая о детстве Веры Михайловны, упомянула, что ее родители пили горькую. Дед и бабка девочки покинули этот свет по причине алкоголизма. Другой родни у Веры не было.

– Эка невидаль, – поморщился Столов. – Сколько детей в России могут похвастаться такими предками? Да миллионы! Для народа пьянство – лучшая развлекуха, причем не только для представителей низших слоев общества. Посмотри на столик в углу, за ним сидят два мужика. Оба определенно при деньгах. Так вот, они уже вторую бутылку коньяка докушивают. Думаю, еще по стопарику опрокинут, и метрдотель их шоферов кликнет – нехай своих господ по каретам растаскивают. У нас любят говорить: народ пьет от бедности, у людей

нет средств на книгу, на билет в театр… Как же! А эти, явно непьющие, тогда почему назюзюкиваются? Нет у тебя миллионов, есть у тебя миллионы – не важно. Клюкают не от бедности, а от нежной любви к спиртному, от того, что не хотят решать проблемы, задумываться о будущем. Кто заставляет человека выбирать злую жену, неинтересную работу? Никто. Каждый сам все себе устраивает. Не нравится баба? Не живи с ней. Не устраивает служба? Поменяй ее. Ни фига делать не умеешь, в школе двойки получал, образования нет? Ну так возьмись за ум, овладей престижной профессией. Учиться никогда не поздно. Но! Дело в том, что измениться может лишь тот, кто по-настоящему хочет жить иначе, кто танком к цели прет, невзирая на препятствия. И никто его не остановит. А вот ежели индивидуум водку сосет и ноет: «Жизнь ужасна. Что делать? Кругом одни воры и сволочи, честному перцу вроде меня на хорошую зарплату не устроиться», это означает одно: все алконавта устраивает. Его главная страсть – выкушать огненной воды, обблеваться и заснуть в луже дерьма, обвиняя в своих жизненных неудачах правительство, чиновников, врачей, соседей, жену, тещу, родителей. У него все кругом гады и сволочи, а он, самый умный, из-за них в канаве пьяный храпит. А вот и нет, дружок! Ты в помойке валяешься, потому что свиньей являешься. Все, конец выступлению. Занавес.

Я зааплодировала.

– Браво! В принципе, я согласна с тобой, но сейчас мы говорим не об абстрактном человеке, а о родителях Веры Михайловны Черновой. Если она росла в семье алкоголиков и у нее не было других родственников, откуда взялась в ее рассказе мать, любящая французский парфюм? Узкий флакон, золотая пробка, запах ландышей – это, скорей всего, «Диориссимо». Совсем недешевые духи от фирмы «Диор». Классика. У нас они тоже представлены: их в основном покупают дамы в возрасте, те, кто не изменяет привычкам молодости.

– По мне, так все запахи на один вкус, – заметил Костя.

– На один нюх, – улыбнулась я. – И откуда у алкоголички деньги на «Диориссимо»?

– Она мыла полы в богатом доме, хозяйка сделала прислуге подарок, – живо нашел ответ Костя.

– Ладно, допустим, – согласилась я. – Но! Сама пьяница, муж «синяк», денег у них вечно нет, а ведь требуется опохмел. Куда денутся духи? Тут вариантов нет! Но Лера сказала, что Вера Михайловна утверждала, будто у ее мамы в шкафу всегда было несколько флаконов про запас.

Костя молча разламывал вилкой котлету.

– Нестыковочка, однако, – покачала я головой. Затем продолжила: – В рассказе Валерии были и другие странности, она на них внимания не обратила, а я их заметила.

– Например? – полюбопытствовал Костя.

– Отправка ребенка в загородный санаторий для больных детей, перевод Леры в другую школу после смерти матери, переезд семьи на новое место жительства, – перечислила я. – К чему все это?

– Ну… – протянул Столов. Затем выдал версию: – Старшие не хотели, чтобы девочка видела, как мать угасает на диализе.

– И поэтому сменили квартиру после похорон и не навещали дочь? – напомнила я. – Нет, тут что-то не так. Ты выполнил мою просьбу?

– Теперь понятно, по какой причине госпожа Занятость удостоила ужином скромного холопа Столова, – усмехнулся Константин. Затем взял телефон, который как раз в этот момент замигал экраном, и молча слушал сообщение. Затем сказал собеседнику: – Спасибо. С меня бутылка твоего любимого коньяка, завтра привезут. Вышли все на почту. Жду.

Мой визави вернул трубку на место со словами:

– А вот и ответ на твой вопрос. Да, я выполнил твою просьбу. Попросил одного приятеля, он шишка в системе МВД, выяснить данные по Черновой – ему это раз плюнуть, он имеет доступ во все базы. Информацию он сейчас на имайл отправил.

Столов вынул из сумки айпад.

– И она прилетела. Через секунду ты увидишь копию справки о смерти… Ах ты ежкин матрешкин хаврошкин!

– Что там такое? – занервничала я.

Костя протянул мне планшетник, я уставилась на экран, несколько раз перечитала сообщение и пробормотала:

– Она действительно жива…

– Но уж лучше бы умерла, – отрезал Константин.

– Валерия на самом деле могла видеть мать, – протянула я. – Выходит, девочку обманули. Вот почему ее отдали в лесную школу, убрали из Москвы, вот чем объясняется переезд на новую квартиру, смена школы…

– Отец и бабушка поступили правильно, – отрезал Столов, – они заботились о психике ребенка. Абсолютно уверен, что в новой школе и в другом доме никто понятия не имеет, что Вера Михайловна Чернова арестована за два убийства, признана сумасшедшей и отправлена на лечение в спецбольницу.

– Не так давно ее освободили, – заметила я.

– И как только могли отпустить такого монстра? – взвился Столов. – На ней же кровь двух людей!

– Посчитали ее неопасной, решили, что она выздоровела, – вздохнула я. – Интересно, старшие Черновы в курсе, что мать Валерии на свободе?

Мой друг развел руками.

– А мне откуда знать?

Я протянула Косте его трубку.

– Звони.

– Кому? – не понял он.

– Своему знакомому, той шишке из МВД, – уточнила я. – Пусть он познакомит меня со следователем, который занимался делом Черновой.

– Тебе это зачем? – напрягся Костя.

– Я обещала Валерии узнать адрес или телефон той покупательницы, – объяснила я. – Лере тринадцать лет, обмануть ее, как первоклашку, уже не получится. Девочка увидела на ладони женщины шрам и узнала его. Она мне сказала, что мама незадолго до «отъезда в командировку» сильно порезала руку – взяла бокал, а тот развалился у нее в руке, осколки повредили сухожилие. Лера хорошо помнит, что мать потом разрабатывала руку, пальцы у нее после операции были в полусогнутом состоянии. Лера мне сказала: «Понимаю, встречаются очень похожие люди. Но еще и шрам на том же месте, что и у мамочки… Согласитесь, это уже слишком для совпадения. Она жива. И я хочу выяснить, почему она бросила меня. Помогите, пожалуйста, узнать правду – посмотрите по чеку, кто покупал в вашем бутике набор «Принцесса» около пяти вечера. Это ведь несложно сделать, много времени не потратите. Если откажетесь, я не обижусь. Но я очень упорная, всегда добиваюсь своего. И обязательно найду маму, просто с вашей помощью это будет быстрее».

– Какая-то девочка попросила тебя, и ты тут же решила заняться любимой игрой в Шерлока Холмса… – неодобрительно заметил Костя. – А не следовало бы!

Я отодвинула тарелку на край стола.

– Валерия начнет искать мать и рано или поздно выяснит правду про убийства. Представляешь реакцию девочки? Она очень, даже можно сказать, излишне эмоциональна. Увидела у прилавка женщину, похожую на мать, и оцепенела, потеряла способность двигаться, говорить, даже в обморок упала. Хорошо хоть дышать не перестала. Я, кстати, проверила эту информацию. Да, у прилавка, где торгует детскими наборами Катя, стало плохо подростку. Продавщица схватилась за нашатырь, девочка очнулась и убежала. Екатерина не успела ни спросить у нее ничего, ни взять контакт родных, чтобы им позвонить.

– Зачем тебе подробности дела Черновой? – пожал плечами Костя.

– Будет лучше, если Валерия узнает ужасную правду от того, кто к ней хорошо относится, – вздохнула я.

– То есть от Степаниды Козловой? – уточнил Костя.

Я поманила официантку.

– Да. И мне надо понять, на самом деле Вера Михайловна выздоровела или попала под какую-то акцию вроде амнистии? Хотя не знаю, отпускают ли сумасшедших раньше срока? Если врачи гарантируют, что женщина более не опасна, Валерии можно рассказать правду. Однако… Нет, я передумала!

– Вот и отлично! – обрадовался Костя. – И слава богу! До твоей головы дошла простая истина: эта история ни с какого бока тебя не касается. Пусть семья Черновых сама занимается фамильными монстрами. Почему ты не ешь десерт?

– Аппетит пропал, – призналась я. – Владимир с Ангелиной Сергеевной сделали все, чтобы Валерия забыла мать. Очень старались. Купили даже нишу в колумбарии.

– Это непросто проделать, – отметил Костя, – нужны документы о смерти. Или немалые деньги. Бумаг-то у них не было, значит, пришлось потратиться.

– Фото «покойной» в доме нет, – продолжала я, – никакие даты, связанные с Верой, не отмечают.

– И что? Она ведь жестокая убийца! – воскликнул Константин.

– Я обещала Валерии узнать, жива ли ее мама, – упрямо повторяла я. – Или с уверенностью сказать ей, что, несмотря на фотографическую похожесть и шрам на руке, женщина в магазине все же не Вера Михайловна.

– Ты расскажешь девочке, что ее мамаша сумасшедшая и убийца? – спросил Столов.

– Ну, это мне слабо, – призналась я.

– Ты же сказала, что передумала копаться в сей истории, – напомнил Костя.

– Нет, я совсем другое имела в виду. Сообразила, что торопиться нельзя. Сначала разберусь, по какой причине Чернову выпустили, соберу всю информацию, а уж потом…

Я замолчала.

– Продолжай! – велел Костя.

Я попросила официанта принести капучино и ответила:

– Пока не решила, как поступлю. И поняла свою ошибку. Мне не нужен следователь. Лучше поговорить с психиатром, который больную лечил. Можешь свою шишку попросить имя врача сообщить?

Костя закатил глаза.

– Даже если Рапкин и согласится, то это пустая затея. Существует понятие врачебной тайны. И врач служит в особом месте, где содержатся преступники, он тебе ничего не сообщит.

Я сделала глаза кота Шрека.

– Милый, пожалуйста!

– Ладно, – помолчав, все же согласился Константин. – Но предупреждаю сразу: Сергей ни малейшего отношения к системе, где лечат убийц-психов, не имеет. Сильно сомневаюсь, что он может назвать данные специалиста.

– Тем не менее попробуй, – не сдалась я. – У Рапкина есть жена?

– Да, – кивнул Столов. – И дочь в придачу.

– Отлично! – обрадовалась я. – Костя, я внесу его в список вип-клиентов, и у твоего Сергея исчезнет проблема, что дарить своим женщинам на 8 Марта, День

святого Валентина и прочие праздники. К тому же он будет получать наши эксклюзивные наборы. Поверь, они нравятся даже тем, кто в плащах из кожи крокодила с сумкой за несколько сот тысяч евро на личном самолете в Нью-Йорк летает.

– Прекрати, – отмахнулся Столов, – взятку я Сереге предлагать не стану.

Мне стало смешно.

– Взятка? Да ты что, милый! Просто сундучки с косметикой. Чепуха на постном масле. Их налоговая в расчет не принимает.

Столов положил в свой кофе сахар.

– Когда ты называешь меня «милым», я отлично знаю: ты ни за что не отстанешь, будешь давить на меня, бедного, пока я не подниму лапы. А сегодня я уже два раза слышал этот эпитет. Поэтому из чувства простого самосохранения подчиняюсь.

– Милый! – подпрыгнула я. – Обожаю тебя!

Столов почесал затылок.

– Вот теперь мне стало страшно. «Милый», да еще «Обожаю тебя»? Не к добру твои доброта и любовь. Ох, явно задумала Козлова нечто титаническое. Сейчас напилит поленьев, а мне потом дровишки красиво у забора складывать…

Глава 6

Домой я вернулась около восьми и сразу зашла к Несси.

– Степашка! – обрадовалась соседка и отпихнула бедром собаку Магду, которая вознамерилась обли-зать меня с головы до ног. – Хочешь чаю? Проходи, заварка совсем свеженькая, только вчера утром ее приготовила. Магда, иди гулять!

Я сбросила в прихожей туфли, поставила на комод сумку и, шлепая по полу босыми ступнями, двинулась за Агнессой Эдуардовной в кухню, неся в руках пакет с надписью «Бак».

Чай, который готовит Несси, похож на слабый раствор йода – две капли антисептика на три литра воды. Агнесса берет щепотку заварки, заливает ее океаном кипятка, дает постоять и, приговаривая: «Я пью настоящий чифирь, никогда не доливаю в чашку к заварочке кипяточку», наполняет предназначенную гостю кружку до краев. Лично мне, чтобы проглотить сей напиток, требуется положить в него побольше сахара, варенья или меда, а лучше всего сразу. И свежим у Несси считается чаек, которое она сварганила в пятницу, а подает вам в понедельник. Когда чайник опустеет, моя соседка добавит в него горячей воды. Размокшие в лохмотья листья чая она заменит на новые лишь тогда, когда из носика польется совершенно бесцветная жидкость.

Только не подумайте, что Несси жадная. Более щедрого человека, чем она, я никогда не встречала. Почему же Захарьина так экономит чай? У меня нет ответа на этот вопрос. Я тоже не отличаюсь скаредностью, но когда тюбик с кремом для тела пустеет, разрезаю его ножницами и выскребаю все со стеночек дочиста. Поверьте, в тюбике найдется содержимое, чтобы попользоваться еще два-три раза. И почему я так поступаю? Могу ведь приобрести крем по цене поставщика, то есть вполовину дешевле, чем в магазине. У каждого своя фишка. У Несси это чай, у меня – крем для тела.

– Садись, а то остынет, – велела Агнесса Эдуардовна, когда я вошла в столовую. – Попробуй сыр, его Маргарита из Парижа привезла.

Мне стало смешно.

– Это я.

– Я прекрасно вижу, что в комнате Степа, – хихикнула Несси, – старческий маразм пока не весь мой мозг цепкими ручонками стиснул. Иногда, правда, войду на кухню и соображаю: зачем сюда приперлась? Но людей еще различаю.

– Сыр действительно из Парижа, из гастрономического бутика, расположенного на минус первом этаже торгового центра «Ле Бон Марше». Но притащила его сюда я, Козлова, – уточнила я. – Марго приволокла тебе экзотическое варенье то

ли из Таиланда, то ли из Индии, то ли из Китая.

– Точно! – обрадовалась соседка. – Совершенно черная банка, а на ней непонятно на каком языке написано: «Джем из манго».

– И как ты сообразила, что внутри, если тара непрозрачная, а этикетка не читается? – вздохнула я.

Агнесса Эдуардовна взяла чайник.

– Маргоша объяснила. Она такой ела, ей переводчик его посоветовал, сказал: «Вкуснее вы точно ничего никогда не пробовали». Объяснил, что там орехи, манго и местный изюм, очень крупный. Я баночку берегу на особый случай.

– На какой? – полюбопытствовала я.

Несси поставила на стол чашку, в которой бултыхалась светло-желтая жидкость.

– Ну… вдруг Мерил Стрип в гости заглянет. Обожаю ее!

Я начала рыться в вазочке с конфетами.

– В принципе, варенье может храниться столетиями. Думаю, надо подготовить несколько вариантов для особого случая. Вдруг сюда явится, например, российский президент? Оно, конечно, тоже сомнительно, но более вероятно, чем визит актрисы из США. Между прочим, сыр, который я выбрала в подвале «Ле Бон Марше», тоже хорош, не плавленая гадость в пластиковой коробочке.

– Подвал! – подпрыгнула вдруг Несси. – Степашка, нам надо серьезно поговорить.

Я насторожилась. Агнесса Эдуардовна не носит сумок в виде розовых плюшевых собачек с молниями на спине, не пользуется заколками в виде кошек, не натягивает свитера с принтами героев диснеевских мультиков. И малиновые ботфорты в сочетании с зеленым мини-платьем в голубых стразах не наденет. Все это с восторгом проделывает моя бабуля Изабелла Константиновна. Я давно смирилась с тем, как одевается Белка, и никогда не пытаюсь объяснить ей, что

соломенная шляпа с букетиком пластмассовых ромашек на полях категорически не сочетается с ярко-бирюзовой шубой из синтетического гепарда.

Помню как-то раз Стефано, глядя на ноги Белки, задумчиво произнес:

– Дорогая, у твоей бабушки определенно есть свой стиль. Более того, она ухитряется вычислить модные тенденции задолго до того, как они придут на мировые подиумы. Посмотри на нее внимательно.

Я вздохнула.

– Оранжевые гетры, черные ботинки на грубой тракторной подошве с красными шнурками и бежевое шелковое платье с узором из незабудок. Сегодня Белка явно превзошла себя.

Стефано снял очки.

– Несколько лет подряд ты отводила в сторону взгляд, когда видела, как Изабелла Константиновна, натянув белые носочки, щеголяет в босоножках. Это был такой faux pas[2 - Faux pas (фр.) – произносится на русском, как фо па, дословный перевод: неверный шаг. Выражение используют, желая сказать, что кто-то совершил неправильный поступок. – Здесь и далее примечания автора.], что просто ужас. А сейчас! На всех мировых Неделях моды это самая крутая новинка – стада манекенщиц шагают в белых носочках и босоножках. Белка просто опередила фэшн-мир. Подожди, через годик мы увидим на показах ее гетры, платье и эти несносные ботинки с оскорбляющими мой взор шнурками.

И точно! Стефано как в воду глядел: спустя два сезона на показах появились девушки, наряженные точь-в-точь, как тогда моя бабуля.

А вот Агнесса Эдуардовна просто носит свитер, футболку, джинсы, изредка платье. И она не ездит на мотоцикле, надев шлем в виде медвежьей головы. Так раскатывает Белка. Но характеры у моей соседки и бабушки одинаковые. Обе совершенно не хотят считаться со своим возрастом, передвигаются бегом, плевать хотели на диету и здоровый образ жизни. Они не посещают фитнес, не сдают регулярно анализы, ложатся поздно, встают рано, занимаются только тем, что им нравится. И обе горазды на выдумки. Поэтому, услышав из их уст фразу: «Нам надо поговорить», я холодею, поскольку далее непременно последует

рассказ об очередной гениальной идее, которая влетела в головы очень мною любимых пожилых дом. И уж поверьте, они пойдут на все, чтобы претворить свое очередное безумие в жизнь.

– Помнишь Додика? – начала Несси.

На всякий случай я кивнула. У Агнессы Эдуардовны примерно тысяча задушевных друзей и раз в десять больше близких знакомых. Возможно, мужчина с таким именем когда-то наслаждался чайной церемонией в столовой Захарьиной. Но разве можно запомнить всех приятелей Несси?

– Так вот, – продолжала Агнесса Эдуардовна, – у Додика есть Нюша, сестра брата дяди, а у нее племянник Жора, сводный шурин деверя Арины, жены Кати.

Я потрясла головой. Арина, жена Кати? Сводный шурин деверя? Понятия не имею, что это за родство! При чем тут некий Додик? И, главное, зачем мне все это знать?

– А его внучатый дедушка… – продолжала тем временем Несси.

И тут раздался звонок в дверь.

– Приехал! – подпрыгнула соседка. – Сиди, не шевелись. Сейчас такое увидишь – замертво упадешь. Не вставай!

Глава 7

Пока Несси открывала дверь, я успела вскочить, вылить в раковину ужасный чай и сесть на место за секунду до того, как в столовую вошли двое мужчин. Один из них – высокий плечистый блондин с карими глазами в простой майке и джинсах. Но я-то хорошо знаю, какая фирма произвела эту одежду и сколько стоят его вроде бы неприметные шмотки. Второй гость оказался ростом чуть повыше меня, с животом и волосами почти до плеч, которые постригли, похоже, с помощью газонокосилки.

– Степа, познакомься, – голосом глашатая объявила Агнесса Эдуардовна. – Андрея ты, конечно, узнала, а с ним Гаврюша, лучший друг, который за компанию пришел посмотреть на подвальчик.

Я кивнула.

– Очень приятно.

Хорошо бы теперь понять, кто из мужчин Гаврюша, а кто Андрей, которого мне следует знать.

– Мальчики, разрешите представить вам Степашку, – ворковала Несси, – главного визажиста, директора фирмы «Бак» по макияжу, лучшую девушку на свете. Мы с ней соседи, чему обе невероятно рады. Да?

– Конечно, – заулыбалась я. – Живу на этаж выше госпожи Захарьиной.

– Рад встрече, – приветливо сказал толстяк.

Накачанный красавчик-блондин просто кивнул.

– Степанида не замужем, – сообщила Несси, – она богатая, умная, красивая, работящая невеста. А как девочка готовит! Андрюша, вы же не женаты?

Толстяк улыбнулся, а в глазах блондина заплескался страх. Сразу стало понятно, что последний и есть Андрей.

– О! Я угощу вас невероятным деликатесом! – воскликнула Агнесса Эдуардовна. – Степа его привезла из какой-то экзотической страны. Сейчас попробуем…

Голос Несси затих в коридоре, я осталась наедине с двумя мужчинами, в столовой повисла тишина.

– Любите путешествовать? – нарушил молчание толстяк.

– Часто летаю в командировки, – пояснила я.

Блондин встал и, не произнеся ни слова, вышел.

– Вообще-то Андрей воспитанный человек, – смутился толстяк, – но он нервно реагирует, когда его знакомят с девушкой, которая…

Гость замолчал.

– Свободна, – весело договорила я. – Опасается, что его окольцуют?

– Ну, вы же знаете, Андрей отчаянно храбр, – начал защищать приятеля Гаврюша.

Я прищурилась.

– Пользуясь тем, что мы остались вдвоем, хочу спросить: почему Несси и вы твердо уверены, что я когда-то встречалась с Андреем?

Брови Гаврюши поехали вверх.

– Вы не узнали Маркина?

– А должна? – теперь смутилась я. – Извините, у меня водоворот людей каждый день перед глазами. Андрей модель? Стилист? Производитель косметики? Байер? Журналист? Где нас с ним столкнула судьба? На Неделе моды в Нью-Йорке? Париже? Милане? Или он вип-клиент фирмы «Бак»?

Гаврюша кашлянул.

– Вы в кино ходите?

– Нет, – призналась я, – не успеваю. Конечно, можно посмотреть фильмы в самолете, но я предпочитаю в полете просто спать.

– Но телевизор, наверное, смотрите? – предположил Гаврюша.

– Вечером, перед сном, – кивнула я, – правда, не каждый день.

– Сериал «Третий лишний в пустыне» вам понравился? – задал очередной вопрос собеседник.

Первым моим желанием было честно сказать: «Нет, я изредка включаю фэшн-канал, и только». Но в ту же секунду я почему-то подумала, что толстяк, возможно, имеет какое-то отношение к многосерийному фильму, и соврала:

– О да! Прекрасная работа!

– Рад это слышать, – заулыбался Гаврюша, – вы видите перед собой режиссера-постановщика.

Я мысленно похвалила себя за сообразительность и решила закрепить успех:

– Потрясающее впечатление! Гениальная лента!

Гаврюша вынул из кармана телефон и постучал пальцем по экрану.

– Меня немного волнует, что действие в основном разворачивается в пустыне. Пейзаж однообразен: желтый песок, верблюды, солнце… Не устает ли зритель от такого зрелища? Ответьте честно, мне очень интересно ваше мнение.

Мне давным-давно известно: если вас просят говорить начистоту, значит, нужно вдохновенно врать. Я закатила глаза.

– Конечно, нет. Барханы постоянно меняют форму, верблюды такие милые, бедуины в ярких одеждах прекрасны.

– Бедуины… – задумчиво повторил Гаврюша.

Экран моего сотового, который лежал на столе, вспыхнул. Краем глаза я увидела сообщение от Кости. «Кирилл Павлович Драпкин, психиатр Веры Михайловны Черновой. Подхода у меня к нему нет. Говорят, у него мерзкий характер».

– Разноцветные палатки, оазисы, – продолжала я.

Гаврюша расхохотался. И тут в столовую вернулся Андрей.

– Получил эсэмэску? – спросил мой собеседник.

– Да, – улыбнулся Андрей.

Гаврюша протянул правую ладонь.

– Сто баксов, пожалуйста.

Я растерялась. Что происходит?

– На вашей милой мордочке застыл вопрос, – заметил, улыбаясь, Гаврюша, – даю ответ. Сериал «Третий лишний в пустыне» существует на самом деле. Один федеральный канал его уже пять лет гоняет. Сколько серий, Андрюша?

– Снято или показано? – уточнил блондин. – В эфире вроде тысяча с чем-то уже прошли. Забыл точное количество.

– Вопреки названию, верблюдов, песка и солнца там нет, – веселился Гаврюша, поглядывая на меня, – под пустыней авторы сценария имели в виду человеческую душу. Андрей – исполнитель главной роли. Он давно не может спокойно по улице пройти – на него женщины с воплями кидаются. Два дня назад загородный дом Маркина загорелся. Малолетние фанатки, не зная, что актер на ночных съемках, а свет в особняке зажгла домработница, разделись догола и начали плясать у входа в дом с криками: «Мы твои невесты, выбирай лучшую!» В руках они держали факелы, одна девица его уронила, вспыхнуло крыльцо, огонь перебрался в холл, в столовую… Короче, Маркину предстоит масштабный ремонт. И где ему жить? Снять номер в отеле? Туда непременно примчатся его обожательницы. Снять квартиру? Фанатки подъезд надписями «Андрей love» исчеркают, и соседи справедливо возмутятся. Нам требовалось найти место, где знаменитость точно не найдут. Но тетушки, смотрящие сериал, есть повсюду. Обнаружить жилое здание, где нет ни одной влюбленной в Андрюшку особы, казалось нам неразрешимой задачей. Но потом Маркину дали телефон Агнессы Эдуардовны, и та предложила ему пожить, пока идет ремонт, в

цокольном этаже ее дома. Прекрасный вариант! Госпожу Захарьину ни журналисты, ни фанатки с Андреем не свяжут, в ее особняке только две квартиры. Но друг возразил: «У дамы небось есть внучка, которая всем растреплет про меня». Я не согласился: «Существуют на свете женщины, которые о сериале и не слышали». Короче, мы поспорили.

– На сто баксов? – перебила я. – И вы выиграли? Извините, что начала врать про барханы, не хотела обидеть режиссера. Все знакомые мне творческие люди очень эмоциональны, они расстраиваются, когда узнают, что их книга, картина или музыка собеседнику незнакома. А вы в курсе, что в цоколе у нас склад ненужных вещей?

– Да, – кивнул Маркин.

Я посмотрела актеру прямо в глаза.

– Несси давно лелеет мечту выдать меня замуж за богатого и знаменитого человека. Ей кажется, что я страдаю от нищеты и одиночества. Но это не соответствует действительности. Я прилично зарабатываю и пока не собираюсь связывать свою жизнь с кем бы то ни было. Недостатка в богатых и знаменитых ухажерах у меня нет. Я работаю в мире моды, общаюсь в основном с успешными, обеспеченными людьми. Извините, Андрей, никогда бы вам этого не сказала, но ситуация сложилась так, что следующие мои слова не должны показаться вам хамством. Я не смотрю сериалы, у меня на них не хватает времени. Вас как актера я не знаю. Кроме того, восторгов при виде любого селебрити никогда не испытываю, автографов не прошу, селфи не делаю. Есть несколько личностей, перед которыми я испытываю благоговение, но они не из мира кино. От меня вам неудобств ждать не надо. Живите спокойно в цоколе столько, сколько вам надо. Но там полно хлама, который давно пора выбросить.

– А вот и наироскошнейшее варенье! – заявила Несси, вбегая в столовую. – Сейчас, секундочку…

Хозяйка заметалась по комнате, стол быстро заполнился угощениями: в центре стояла банка с этикеткой с иероглифами. Агнесса Эдуардовна начала наливать гостям чай.

– Напиток из трав? – обрадовался Андрей. – Прекрасно. Я адепт здорового питания. Какой состав сбора? Ромашка, мята, что-то еще? Но если там кошачьи уши, то, извините, я даже пробовать не стану. Они мне строго-настрого доктором запрещены.

– Кошачьи уши? – повторила Несси. – Впервые про такое растение слышу.

– Оно весьма распространено, – без тени улыбки сообщил Гаврюша, – растет, как репейник, повсюду в Центральной Африке.

– Почему вы решили, что я угощаю вас отваром из такой ерунды? – опешила Несси. – Заварила черный чай, лучший, его мне Степа из Парагвая привозит. Положила целую чайную ложку, да еще с верхом, на чайник.

Гаврюша оглядел двухлитровый заварник и хихикнул, а я проглотила уже готовое возражение, что я никогда не летала в Парагвай и даже понятия не имею, где эта страна находится.

– Варенье! – засуетилась Несси. – Берите побольше, кладите на кекс!

– О-о-о-о! – оживился Андрей. – Джем с маффином – мой любимый завтрак, но я и поужинать так не откажусь.

Мне стало смешно. Адепт здорового питания, который обожает жирное и сладкое!

– Из чего джем сварен? – поинтересовался Гаврюша, зачерпывая содержимое из банки.

– Степа, расскажи, – велела Несси. – Ты же его покупала!

А мне внезапно очень захотелось спать. Объяснять честной компании, что джем из каких-то фруктов я Несси вовсе не привозила, сил не нашлось, поэтому я буркнула:

– Из плода дракона.

– Он такой розовый, а внутри белый с мягкими черными зернышками? – уточнил Андрей.

Чтобы спрятать зевок, я сделала вид, будто вытираю рот салфеткой, и кивнула. У меня стали закрываться глаза, я собралась посидеть для приличия минут пять и под благовидным предлогом смыться.

– Ну как? – осведомилась Несси. – Ваши ощущения? Степа! Хоть попробуй свой эксклюзив.

Делать нечего, пришлось взять ложку.

– Оригинально, – оценил деликатес Гаврюша. – Вроде там орехи есть, что-то такое упругое на зубах.

– Смахивает на лепестки миндаля, но не тонкие, как обычно, а толстые, – заметила Несси.

– По мне, так это семечки. Или кедровые ядра, – вставил свое слово Андрей.

– Из орехов джем не делают, – заспорила я, ощущая во рту кусочки, напоминающие маленькие плоские полусваренные макароны. А еще нечто, смахивающее на мелко нарезанные тонкие тряпки.

Андрей взял вторую порцию, положил ее на тарелку, начал ковырять ложкой и вдруг взвизгнул:

– Мама! Это же…

И Маркин онемел.

Глава 8

– Засахаренный таракан! – радостно договорил Гаврюша. – Впервые его попробовал.

Я немедленно выплюнула то, что было во рту, в розетку и не испытала при этом ни малейшего смущения. Андрей закрыл глаза и откинулся на спину, одной рукой актер схватился за горло, другой за лоб. Несси вскочила, достала из шкафа миску, сунула ее звезде телеэкрана под нос и пропела:

– Если вам плохо, то не стесняйтесь.

– Нет, ошибочка вышла, – весело сказал Гаврюша, – не таракан главный герой варенья.

Андрей приоткрыл один глаз и прошептал:

– А кто?

– Кузнечик, – бойко ответил его друг.

– М-м-м… – в изнеможении протянул Маркин.

– Не похож, – возразила я. – Хорошо знаю, как выглядит насекомое, у которого уши на ногах. То, что вижу в розетке, похоже, саранча, но какая-то странная, маленькая…

– Час от часу не легче! – простонал Маркин, зеленея.

– Насекомые – кладезь белка, – заявил Гаврюша, – говорю это как врач, они полезные.

– В Таиланде засахаренные тараканы на палочках продаются, – добавила Несси.

– Ты их ела? – передернулась я.

– Не-а, – засмеялась Агнесса Эдуардовна. – Базиль купил нам по штучке и обе сам съел.

– Кто бы сомневался, – буркнула себе под нос я. – Он и не такое слопает, его прожорливость один раз чуть нас не погубила[3 - Степа вспоминает историю, которая описана в книге Дарьи Донцовой «Бизнес-план трех богатырей».].

– Мальчиком манипулировали! – кинулась защищать любимого внука добрая бабушка. – Он наивен, как новорожденный котенок, ласков, как месячный щенок.

«Прожорлив, как стая акул, и ленивее его никого на свете нет», – мысленно договорила я, но вслух не произнесла ни слова.

– У них целы лапки, голова, усы, – восхищался Гаврюша, рассматривая содержимое своей розетки. – Как так ловко ухитрились насекомых приготовить, что они не развалились?

– М-м-м… – простонал Андрей, опять хватаясь за горло.

– Сироп их цементирует, – авторитетно заявила Несси. – И вы все не правы, перед нами не тараканы, не кузнечики, не саранча, а сверчки!

Телефон Гаврюши тихо звякнул, он схватил трубку.

– Ага, вот и сообщение… Никто не угадал. Я отправил фото этикетки одному своему знакомому, он полиглот, свободно владеет более чем пятьюдесятью языками и еще сто просто понимает. Слушайте, что мы вкушали с восторгом. Я еще и коробочку с кексом для него заснял. С чего начнем?

– От маффинов я засады не жду, – махнула рукой Несси, – я их приобрела в простом супермаркете. Огласите правду про джем.

– «Джингамеры в сиропе», – громко произнес Гаврюша.

– Чудесно, – кивнула я, – ответ все объяснил. Значит, всего-навсего джингамеры. Однако интересно, кто они такие.

– Спокойствие, только спокойствие, – усмехнулся Гаврюша. – Володя педантичен, читаю далее. «Гиппократ, поскольку меня терзают смутные сомнения, а знаете ли вы о джингамерах, то я рискнул дать объяснение. Заранее прошу извинения,

ежели вы в курсе, а я, неблагодарный и злонравный, усомнился в эрудиции ученого. Джингамеры – мелкие насекомые, живущие на шкуре слона. Они передвигаются резвыми скачками, неприятностей элефантам не доставляют, наоборот, от них одна польза. Джингамеры чистят кожу слона от ороговевших кожных чешуек».

– Блохи! – вздрогнул Андрей. – Я ел джем из блох! Дайте срочно что-то антисептическое выпить.

– Хотите рома, который Степа не знаю, откуда привезла? Налить? – радушно предложила Несси. – Очень крепкий, глотнешь – и дым из ушей валит.

– Читаю далее, – повысил голос Гаврюша. – «Погонщики собирают умерших джингамеров и…»

– Дохлые блохи! – взвизгнул Андрей. – О, мамма миа! Варенье из останков насекомых!

– «…и делают из него десерт, – продолжал тем временем режиссер, – который считается изысканным блюдом. Каждого почившего джингамера заворачивают в сброшенные крылья бабочек жмурниц, высушивают на солнце, зарывают на полгода в землю. Через шесть месяцев достают, засыпают сахаром…»

– О боже! – взвыл Маркин. – Только подумаю, что хуже ничего быть не может, а угощенье все гаже и гаже делается. Джем из мумий блох! Степа, где был твой разум, когда ты покупала этот изыск?

Мне пришлось оправдываться:

– Я не привозила его, джем приволокла какая-то другая подруга Несси. Я не летаю в Азию, работаю только в Европе, Америке и Великобритании.

– «Потом их утрамбовывают в банки, кладут в стойло пони, где тепло, выделяемое навозом, естественным образом нагревает содержимое. Через три-четыре месяца джем, как правило, готов. А у кексов текст на русском. Тут я уже не нужен. Но, Гиппократ, изучите его внимательно. Забавное чтиво», – звонко договорил Гаврюша.

– Офигеть! – икнул Андрей. – Я съел целых две ложки. Теперь у меня внутри заведутся экзотические блохи, выращенные в дерьме пони.

– Маловероятно. Мумии, как правило, не оживают, – успокоила я любимца миллионов телезрителей. – Опасности заполучить этих джин… гин… у тебя нет. Разве что холеру подцепишь. Или чуму…

– О-о-о-о! Кексы! – воскликнул Гаврюша.

– С ними-то что? – удивилась Несси. – Обычная выпечка из магазина.

– Читаю состав, – объявил режиссер, держа в руках коробку. – Буковки микроскопические, но у меня зрение как у дальнозоркого орла. Забавно, однако. Трифоксококаоалноидная смесь, идентичная муке, дрожжевидная составляющая на базе пальмового масла, яичный порошок условно-натуральный, продукт молочного разведения ключевой водой из источника монастыря под городом Гановск, облегченное сливочное масло десятипроцентное растительного выращивания, эмульгатор из рогов серого кролика, улучшитель вкуса с запахом кекса, ароматизатор, закрепитель формы, затвердитель, Е тысяча триста, Е четыре миллиона пять, Е девятьсот сорок шесть… Еще штук двадцать «ешек» замыкает список пенициллиносульфимидная паста для консервации. Натуральный биоэкопродукт, без ГМО. Произведено на фабрике минеральных удобрений и промышленных масел. Адрес изготовителя: Бирюкинская область, город Гановск, Кладбищенская улица, дом один. Кошерно. Халяль. Постная еда. Приятного вам аппетита.

– Кошерный такой кекс, – прошептал Андрей, – прямо супер. Варенье из мумий блох на его фоне просто диетический деликатес.

Несси решила сменить тему беседы.

– Давайте-ка посмотрим подвал!

– Отличная идея, – одобрил Гаврюша.

– Пойду домой, – быстро сказала я, – завтра рано вставать.

– Никак ты заболела? – встревожилась Агнесса. – Сейчас заварю антипростудный чай.

– Только не это! – испугалась я. – Нет-нет, я прекрасно себя чувствую.

– Почему тогда решила в девять вечера под одеяло заползти? – удивилась Несси. – Никогда раньше часа ночи не укладываешься.

– Мы тебе надоели? – прищурился Гаврюша.

– Конечно, нет, – соврала я, – просто… э… ну… я хотела…

Моя фантазия забуксовала и свалилась в кювет. Чтобы не выглядеть совсем уж идиоткой, я спросила:

– Почему ваш друг-полиглот в эсэмэске обращается к вам «Гиппократ»?

– Я же врач, – пояснил Гаврюша. – Разве ты не поняла? Пошли, провожу тебя до квартиры.

Я попрощалась с Андреем и Несси, и мы с толстяком вышли на лестницу.

– Если вы врач, то зачем представились режиссером? – с запозданием удивилась я.

– Так объяснил уже: хотел проверить тебя, правда ли сериал с Маркиным не видела, – усмехнулся Гаврюша. – Свой род занятий изменил, чтобы мое любопытство в отношении фильма выглядело убедительным. И многие почему-то пугаются, узнав, что по профессии я психиатр.

Я остановилась.

– Психиатр? Работаете с душевнобольными людьми?

– Здоровым мои услуги не нужны, – резонно ответил Гаврюша. – Хотя стопроцентно здоровых людей вообще нет. Есть недообследованные. М-да…

Слушай, я перешел с тобой на «ты», и Андрей тоже. Может, и ты перестанешь выкать?

– Хорошо, – тут же согласилась я. – Знаешь своих коллег?

– Нас вообще-то много, – пожал плечами собеседник. – Конечно, у меня большой круг общения, и кроме работы в клинике я еще преподаю в мединституте. Плюс с кем-то учился на одном курсе, кого-то сам выучил. А почему ты интересуешься?

– Мне очень надо найти контакт доктора Драпкина, – призналась я. – Слышал о таком?

– Зачем он тебе? – поинтересовался Гаврюша.

– Он работает в спецбольнице, где содержатся умалишенные преступники, которых нельзя судить, но и отпустить невозможно, – объяснила я. – Мне до зарезу надо с ним пообщаться. Хотя, говорят, у Драпкина мерзкий характер.

– Да, своеобразный дядечка, – протянул Гаврюша. – Если хочешь что-то о его пациенте узнать, лучше и не начинать. Может так послать, что мало не покажется.

– Так ты с ним знаком? – обрадовалась я. – Может, мобильный его знаешь?

– Есть номерок в контактах, – кивнул мой собеседник.

Я схватила толстяка за руку.

– Послушай, у тебя ужасная стрижка, давай совершенно бесплатно приведу твою шевелюру в порядок. В обмен на телефон Драпкина, а?

– Он тебе так нужен? – усмехнулся Гаврюша. – Хочешь помочь кому-то? Зря надеешься. Драпкин ни за какие самородки не согласится признать преступника душевнобольным, если тот таковым не является. Мне известно, что ему и квартиру, и машину, и победительницу какого-то конкурса красоты за фальшивый диагноз предлагали. Драпкин дароносцев выгнал. Дурак, да?

– Нет, – возразила я, – просто честный человек. Могу даже представить, что дружу с ним. Но мне не надо никого от Фемиды прятать, просто необходимо получить сведения об одном его пациенте.

– Он ничего никогда не скажет, – отрезал Гаврюша.

– И почему меня это не удивляет? – мрачно спросила я.

– Теперь честность Драпкина не кажется тебе привлекательной? – засмеялся Гаврюша.

– Мое мнение о враче не изменилось, – возра-зила я. – Пожалуйста, дай номер его телефона. Если я объясню ему, в чем дело, вероятно, психиатр пожалеет девочку, которая осталась без мамы, и поможет.

– Дверь в твои апартаменты приоткрыта, – встревожился мой спутник.

– Мы с Несси никогда не запираем створки, – отмахнулась я. – В доме лишь две квартиры, а в наш подъезд никто без ключа не войдет.

Гаврюша сел на подоконник.

– Расскажи, в чем дело. Зачем тебе Драпкин понадобился?

Послышался громкий лай.

– Ага, Магда с прогулки вернулась, – обрадовалась я, встала и открыла дверь в стене.

Из здоровенной проволочной клетки, которая ездит по внешней стороне стены нашего дома, держа в зубах батон колбасы, вышла собака Магда.

– О, ты опять занялась разбоем! То-то надолго пропала! – рассердилась я.

– Гав, – произнесла Магда, не разжимая челюстей.

Потом она элегантным движением задней лапы захлопнула лифт и продефилировала к квартире Несси. На пороге оглянулась и повторила:

– Гав-гав-гав.

Затем, гордо подняв голову, удалилась в апартаменты.

– Ух ты! Кто это? – изумился Гаврюша. – Смахивает на пони, но вроде лает.

– Магда, собака неведомой породы, – рассмеялась я. – Правда, Агнесса Эдуардовна уверена, что ее питомица – рыжебородая горнопятнистая магера. А самое интересное, что псине, как представительнице этой уникальной породы, с моей помощью удалось получить золотую медаль на выставке[4 - Эта история рассказана в книге Дарьи Донцовой «Бизнес-план трех богатырей».]. Но на самом-то деле ты видел плод любви не пойми кого неясно с кем. Не бойся, она добрая. Только вороватая. Зато хозяйственная – если что вкусное сопрет, на месте не съест, домой принесет, Несси угостит.

– Хочется верить в добрые намерения великана, – пробормотал Гаврюша, – я видел здоровенные зубы.

– Боишься собак? Хочешь, поговорим об этом? – хихикнула я.

– Я не психотерапевт, – вздохнул Гаврюша, – часами с пациентами не болтаю. Мы, психиатры, как правило, прописываем человеку десять-пятнадцать видов таблеток с сильным побочным действием, а потом радуемся, когда больной тихо сидит в углу, выводя пальцем слюнями узоры на обоях. Психотерапевт в своем кабинете главный, а в психиатрических больницах царями являются санитары. За хорошего медбрата прямо драка идет, мы их переманиваем. Вот недавно мне удалось затащить к себе в больницу очаровательную девочку. Размеры у нее твои, на тощего комара похожа, но теперь я за буйное отделение спокоен.

– Думаешь, хрупкая женщина сможет скрутить разбушевавшегося мужчину, чей вес зашкалил за центнер? – изумилась я.

– Конечно, нет, – поморщился собеседник. – Лиза мастер кидать шприцы. Как она это проделывает, секрет для всех. Просто швыряет шприц, и тот, вопреки всем

законам логики и земного тяготения, летит по помещению, а затем втыкается иглой в нужного человека. Все. Через пару секунд в отделении тишь да гладь, божья благодать. А где сейчас была Магда? Ты запирала ее в чулане?

Я опять открыла дверь в стене.

– Конечно, нет. Перед тобой лифт. Магдуся ходила гулять.

Гаврюша заглянул в открывшееся пространство.

– Псина одна выбегает на улицу? И сколько инфарктов случается в вашем микрорайоне за день?

– Местный народ отлично знает собаку, – пояснила я. – Псина далеко не уносится, дефилирует по ближайшей улице. Дойдет до будки, в которой блинчики пекут, выпросит пару штук, стащит в супермаркете сыр или колбасу. В хорошую погоду удержать Магду дома трудно. Вот зимой она на приколе – лежит на диване.

Гаврюша округлил глаза.

– Собака сама спускается и поднимается?

– Да, – кивнула я. – Она носом на нужные кнопки нажимает. Подъемник для нее и был построен, но сейчас им Несси охотно пользуется.

Гаврюша опять сел на подоконник.

– Рассказывай, зачем тебе понадобился Драпкин.

Глава 9

На следующий день мы с Гаврюшей сидели в кафе около моей работы и вели неспешную беседу.

– Извини, что доставила тебе столько хлопот, – смутилась я, – никак не ожидала, что ты приедешь, думала, просто дашь мне мобильный номер Драпкина.

– Кирилл ни за какие пряники не станет рассказывать постороннему человеку о своей пациентке, – нахмурился Гаврюша, – а вот со мной поделился. Да я и раньше от него про Чернову слышал. Мы с Драпкиным соседи, живем на одной лестничной клетке. И по телефону такие сведения не сообщают. С Верой Михайловной вышла странная ситуация. Она жива. И на свободе.

– Значит, Лера не ошиблась, – протянула я. – Девочка могла видеть маму в нашем торговом центре.

– Похоже на то, – согласился Гаврюша. – Хотя не исключаю, что ей встретилась похожая женщина. Но главное сейчас не то, кого именно Валерия встретила, а то, что Вера Чернова не скончалась. Отец и бабушка ввели малышку в заблуждение, потратили много сил и денег, чтобы внушить Лере: ее мать ушла в лучший мир после тяжелой болезни.

– Очень жестоко они поступили, – пробормотала я, – девочка до сих пор тоскует о матери.

– Думаешь, ребенку в шесть-семь лет лучше было узнать правду? – поморщился психиатр. – И жить дальше со знанием, что она дочь жестокой убийцы, которая находится на лечении в специальной психиатрической клинике? Как только жену арестовали, Владимир Чернов оформил развод и лишение супруги родительских прав. Не стоит бросать в него камни, ведь существовать рядом с душевнобольным человеком подвиг и очень тяжелый крест. Не всякому это по силам. И уж точно не нужно ребенку. Но!

– Но? – повторила я.

Гаврюша сделал глоток кофе.

– Постараюсь изложить историю последовательно, а ты слушай. Сразу хочу предвосхитить твой вопрос, откуда Драпкин, который изложил мне все это, знает массу подробностей о Черновой. Отвечаю: психиатр, который работает с больным, находящимся в стационаре, да еще в специализированном, постоянно

общается с подопечным. Да, в моей шутке про то, что мы любим закидать больного лекарствами, большая часть правды. Но огромную роль в процессе лечения имеет доверие пациента к врачу, и если оно возникает, выздоровление идет быстрее. Драпкину удалось подружиться с Черновой, она ему все без утайки рассказала…

Вера и Владимир Черновы владели конторой «Дом твоей мечты». Сначала они и не думали заниматься куплей-продажей квартир профессионально, просто Вера однажды помогла своей очень близкой подруге, Оле Карасевой, приобрести жилье.

Ольга торговала конфетами, была одной из первых, кто стал ввозить в Россию дешевый шоколад из Европы, в котором какао-бобов почти нет. На сладостях сомнительного качества женщина разбогатела и, естественно, решила улучшить жилищные условия. Карасева обратилась в одно агентство, в другое, и поняла: все они пользуются общей базой в Интернете, а потом требуют немалые деньги за то, что посидели у компьютера, да еще откусывают неплохой процент за оформление сделки. Ольга девушка бережливая, решила, что сама подыщет себе подходящий вариант, и начала заниматься проблемой. Но вскоре сообразила: у нее нет на это времени, а вот у безработной Веры его полно. И Ольга предложила лучшей подруге стать ее риелтором, пообещала хорошо заплатить. Но Верочка отказалась от денег, решила оказать бывшей однокласснице дружескую услугу.

Когда все благополучно завершилось, Оля приехала к Черновой с тортом и сказала:

– Ты отказалась взять вознаграждение.

– У той, кто мне как сестра, деньги брать невозможно, – отрезала Вера.

– А мне неудобно использовать ту, кого я считаю сестрой, – в тон ей сказала Карасева. – Поэтому я нашла выход. Тебе позвонит одна моя знакомая, которая ищет риелтора. С постороннего человека получить плату за свою работу вполне нормально.

Сначала Вера действовала в одиночку, находила клиента и подыскивала жилье для него. Потом к делу присоединился Владимир. Спустя некоторое время

желающих воспользоваться услугами Черновых оказалось так много, что пара поняла: им пора завести офис, нанять несколько сотрудников. И вскоре на рынке жилья появилась контора «Дом твоей мечты».

Тогда Черновы не могли похвастаться богатством. Отец Владимира, крупный адвокат, получавший когда-то баснословные гонорары, уже скончался. Его вдова, Ангелина Сергеевна, никогда нигде не работала, всю жизнь занималась домашним хозяйством. Если у дамы и был так называемый подкожный запас, в смысле, денежная заначка, то он иссяк. А родители Веры увлекались весьма популярным в России спортом под названием литрбол и в конце концов допились до могилы. У пары алкоголиков была большая квартира, но Мамаевы, еще не потеряв в тот момент человеческий облик, продали ее, купили дочке Вере однушку, а себе избу в деревне и отправились жить в Подмосковье, где баловались водочкой до смерти. Похоже, алкоголики любили единственную дочь – они не пожалели денег, позаботились о ее жилплощади. Вера продала свою квартиру, и на вырученные средства они открыли фирму.

Некоторое время дела их шли в гору. А потом совершенно неожиданно для Владимира и Ангелины Сергеевны Веру арестовали за убийство двух клиенток: Каретниковой Оксаны Федоровны и Голубевой Галины Михайловны. Дело вел следователь Григорий Беркутов, он живо докопался до истины. Обе женщины обратились в фирму Черновой, чтобы улучшить свои жилищные условия. И та, и другая имели маленькие квартирки, но насобирали денег на большие хоромы. Положить капитал в банк они никак не могли.

Оксана являлась переходящей любовницей богатых и чиновных женатых мужчин, которые давали ей при расставании приятную сумму…

– Проститутка, – уточнила я, перебив рассказчика.

– Резко сказано, – укорил меня Гаврюша. Затем продолжил.

…Каретникова на улице не стояла, знакомилась с папиками в дорогих ресторанах, жила с ними максимум полгода и не переживала из-за разрыва отношений. А Голубева пела на эстраде. Сольных концертов в Кремле она не давала, Первый канал телевидения на свои эфиры ее не приглашал, но в ресторанах хорошенькую Галочку отлично знали, и певица была частой гостьей в программах кабельного телевидения. Если кто не слышал про канал

«Припевочка», то это не означает, что у него нет зрителей. Симпатичную, веселую, некапризную Галину охотно приглашали поработать на не очень богатых юбилеях, свадьбах, кооперативах. Молодая певица старалась изо всех сил, не отказывалась исполнять песни по заказу, даже танцевала с гостями. И неплохо зарабатывала. Понятно, что ни Каретникова, ни Голубева не платили налоги, поэтому и не держали денежки в банке. Обе хранили доллары дома.

Было у жертв еще несколько общих черт. Например, обе любили выпить, но не абы что – Оксана и Галя употребляли только красное сухое вино, привезенное из Италии, к остальному алкоголю красавицы не притрагивались. Далее. У обеих не было близких. Ни родителей, ни детей, ни братьев-сестер. На момент смерти у Каретниковой отсутствовал любовник: она разошлась с одним, а другого пока не нашла. Галина же старалась держаться от парней подальше, она с подозрением относилась к представителям сильного пола.

Как уже говорилось, оба дела вел Григорий Беркутов. Сначала он занимался убийством Каретниковой. Эксперт сразу определил причину смерти: покойная пила красное вино, в которое подмешали сильнодействующее снотворное. Лекарство не имело ни вкуса, ни запаха. Тело обнаружили спустя несколько дней после убийства, когда соседи пожаловались на запах.

Беркутову сразу стало понятно: у жертвы кто-то был в гостях. На столе, кроме всякого-разного, находился фужер со следами пальцев и губ, и чашка, на которой тоже нашли отпечатки. На бокале определили следы хозяйки, на чашке – пальчики неизвестной дамы. Их прогнали по базе, но совпадений не обнаружилось. А еще в прихожей валялся брелок из желтого металла в виде женской сумочки. Скорее всего, он крепился к ключам. Но на колечке, которое принадлежало Оксане, висела розовая кошечка. Домработница жертвы сказала, что «золотой сумочки» у Каретниковой никогда не было. Зато у Оксаны Федоровны хранилось несколько сотен тысяч долларов – она собиралась покупать загородный дом. Прислуга знала, что в шкафу в спальне есть небольшой сейф, но код ей был неизвестен. Правда, полиция еще до опроса пожилой женщины обнаружила открытый железный шкафчик, пустой и тщательно протертый снаружи и внутри.

Началось расследование. Беркутов предположил, что преступление совершил или близкий Каретниковой человек, или сотрудник риелторского агентства, в которое Оксана обратилась, чтобы приобрести жилье. Какую фирму выбрала Каретникова, прислуге было неизвестно. Представляете, сколько в Москве

агентств по продаже недвижимости? Больших и маленьких? Проверить следовало все.

И тут произошло убийство Голубевой, которое один в один походило на то, что случилось с Каретниковой. Красное сухое вино, фужер с отпечатками хозяйки, кружка со следами пальцев и губ неизвестной. Правда, были и отличия. В домах Каретниковой и Голубевой работали лифтерши. Но Оксана жила в многоэтажной башне, где бо?льшая часть апартаментов сдавалась, хозяева часто менялись, и консьержка там не особо тщательно выполняла свои служебные обязанности – часто отлучалась по личным делам, поэтому на вопрос следователя: «Кто заходил в гости к Каретниковой?» она развела руками и ответила: «Тут орда народа носится, кто к кому летит, мне не докладывают».

А вот у Голубевой в подъезде было всего двенадцать квартир, и бабушка, сидевшая у лифта, оказалась бывшей директрисой школы, она была очень ответственным и внимательным человеком и объяснила оперативникам:

– В девятнадцать тридцать к Галине Михайловне приходила женщина из риелторского агентства «ДТМ». Звать ее Вера Михайловна Чернова. Когда она ушла, я понятия не имею. Моя смена заканчивается в двадцать ноль-ноль. Вечером и ночью тут никто не дежурит.

Человек, опрашивавший лифтершу, уточнил:

– Как вы узнали имя гостьи? Она представилась?

Консьержка пояснила:

– Голубева обитает на втором этаже, дом старинный, акустика в подъезде, как в храме – кто на пятом чихнет, мне на первом слышно. Шумных жильцов здесь нет, на лестнице всегда тихо. Женщина сказала, что идет к Голубевой, поднялась на один пролет, позвонила. Думаю, Галина Михайловна спросила ее: «Кто там?» У певицы не было ни глазка, ни домофона. У нее старинная входная дверь из красного дерева, цельный массив. Створка сохранилась с начала двадцатого века, со времен постройки дома, и Галина не хотела ее, как сама мне объясняла, «дырками и проводами портить». Гостья громко ответила: «Добрый вечер. Я Вера Михайловна Чернова из агентства по продаже недвижимости «Дом твоей мечты», мы договаривались на восемь, но я немного раньше приехала.

Если вам неудобно, я посижу в машине». И хозяйка ее впустила…

Глава 10

Гаврюша взял салфетку.

– Обыватели считают, что серийными убийцами становятся только мужчины. Неверное мнение. Есть женщины, на счету которых много смертей, просто представительниц слабого пола в армии маньяков меньше. Или они хитрее, не попадаются. Милые дамы демонстрируют прямо-таки обезьянью изворотливость: филигранно врут, умеют запутывать следы почище лисы. Один раз мне пришлось ехать поездом. Терпеть не могу железную дорогу – долго, все грохочет, еда в ресторане вне всякой критики, туалет грязный. Но не во все города летают самолеты. Я взял билет в СВ, да не догадался выкупить купе полностью – сглупил и оказался наедине с тетушкой лет шестидесяти самого невинного вида. Она начала меня опекать: жареной курицей, помидорами, крутыми яйцами угощать, достала бутылку хорошего коньяка. На третьей стопке, выяснив, что я психиатр, женщина спросила:

– Как вы думаете, я сумасшедшая?

– Стопроцентно нормальных людей нет, – засмеялся я, – у каждого свои тараканы в голове.

– Посоветуйте, что бы такое попить успокаивающее, – продолжала тетенька. – Неохота четвертого мужа убивать, уж очень он хороший человек, да черт под локоть толкает.

И далее в подробностях сообщила, как она трех супругов на тот свет отправила с помощью сердечных капель. Никаких претензий у нее к ним не имелось, и богатством бедолаги не обладали, на него рассчитывать не приходилось. Никакой корысти в убийствах не было. И горевала она потом – одной-то плохо. Но «черт под локоть толкал» – и очередной спутник жизни усаживался в лодку Харона[5 - Харон – в греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в Аид, подземное царство мертвых. Всегда изображался мрачным старцем

в рубище, в правой руке у него весло, левой Харон берет плату за услуги.].

– И ты не сообщил о ней в полицию? – пора-зилась я.

– Ехали мы в поезде, – напомнил Гаврюша. – Наступила ночь, легли спать. Я проснулся в восемь, а попутчица уже вышла. Ни фамилии, ни адреса ее я не знал, только имя – Татьяна. Скольких женщин так в России зовут?

– Ну да, – пробормотала я. – Небось она и того несчастного, которого убивать не хотела, тоже отравила. И как ты не побоялся заснуть? Вдруг бы дамочка и тебя на тот свет отправила?

Гаврюша взял чайник с заваркой.

– Но я же не ее муж. У маньяков есть четкий образ того, кого надо лишить жизни. Если дама не была патологической вруньей, способной выдумать что угодно, лишь бы привлечь к себе внимание, то она – непойманная серийная убийца. И тихий внутренний голос шепчет мне, что моя попутчица именно такова. Слова «Черт под локоть толкал» очень хорошо характеризуют серийщика. Человек не имеет желания лишать кого-то жизни, а убивает. Но вернемся к основной теме. Помнишь, я тебе говорил, что, с одной стороны, убийства Каретниковой и Голубевой точь-в-точь повторяли друг друга, а с другой – были в них и отличия?

Я кивнула, а собеседник продолжал:

– В помойном ведре на кухне Голубевой нашли ватку со следами крови. Такая же капелька обнаружилась на разбитой чашке, которая тоже лежала в мусоре. А на столе, как я уже говорил, стояли фужер со следами пальцев и губ хозяйки, плюс кружку с отпечатками незнакомки. Похоже, события разворачивались так. К Галине заглянула женщина, которая представилась Верой Черновой. Гостья разбила фарфоровый бокал, из которого пила чай, порезалась, когда стала собирать осколки, и прижала к ранке вату.

Психиатр начал рыться в своей сумке.

– Не стану тебя мучить долгим рассказом, сразу перейду к эпилогу. У Веры взяли отпечатки пальцев. Они совпали с теми, которые остались на чашках в квартирах Каретниковой и Голубевой. «Золотой» брелок в виде сумки тоже принадлежал Черновой. И что показал анализ крови?

– Это была кровь Веры, – вздохнула я.

– Отлично, – похвалил меня собеседник. – Прибавь сюда бдительную лифтершу, которая опознала риелторшу, и станет понятно, почему мать Валерии задержали.

– Ее признали ненормальной? – спросила я.

Гаврюша кивнул.

– Примерно через десять дней после заключения Веры Михайловны в следственный изолятор она замолчала. Не произносила ни слова, не ела, не пила и очутилась сначала в местном медпункте, потом в специализированной палате городской больницы для психиатрических больных. Долгое время Чернова ни с кем не общалась. Не отвечала на вопросы врача, медперсонала, агрессии не проявляла, покорно пила лекарства, не нарушала режим, проходила все процедуры, занималась рисованием. Так продолжалось до тех пор, пока в клинику не пришел на работу Драпкин, которому удалось завоевать доверие пациентки. Однажды во время очередного обхода Вера внезапно спросила у доктора:

– Можно вам все рассказать?

– Конечно, – согласился Драпкин, – идите в мой кабинет.

Чернова устроилась на диване и поведала свою историю.

Она никого из женщин не убивала. Да, была с погибшими знакома – занималась подбором квартир для них.

Отношения с Каретниковой проходили по схеме «клиент-агент», ничего личного. Они встречались в основном в кафе. Но один раз Оксана позвонила Вере и

попросила приехать к ней домой. Зачем, не уточнила, сказала: «Хочу показать кое-что в квартире, возможно, это ускорит продажу». Чернова приехала в указанный час. Хозяйка квартиры открыла дверь, провела ее в комнату и спросила:

– Что случилось?

– Ничего, – удивилась владелица агентства.

– Зачем тогда вы приехали ко мне? – опешила Каретникова.

– Так вы же сами меня пригласили, – ответила Вера.

– Я? Нет, – возразила Оксана. – Это вы мне звонили сегодня утром с просьбой принять вас вечером.

Женщины начали выяснять, что произошло, и поняли: Оксане и Вере звякнула какая-то тетка, которая Каретниковой представилась Черновой, а владелице агентства сообщила, что ее имя Оксана. Незнакомка организовала встречу агента и клиента в квартире Каретниковой. Во время телефонного разговора связь была очень плохой, из трубки доносились треск, шум… Вот женщины и не поняли, что над ними подшутили. Поохав и поахав, они вскоре расстались.

Чай Вера в квартире клиентки не пила, бутылку вина не приносила. И вообще, у Черновой аллергия на красное сухое вино, она на него даже смотреть не может. Откуда взялись ее отпечатки на чашке, она понятия не имеет.

С Голубевой дело обстояло иначе. Галина велела Вере приезжать к ней домой. Как правило, после одиннадцати вечера – тогда лифтерши в подъезде уже не было. Но в день последней их встречи Владимир предложил жене сходить в кино на сеанс в двадцать один час, поэтому Вера попросила у клиентки разрешения приехать к ней в семь. Та согласилась, но перенесла время на девятнадцать тридцать. Голубева была говорлива, капризна, придирчива, продержала владелицу агентства у себя до без четверти девять. В результате Чернова опоздала на встречу с супругом, Володя, не дождавшись ее, уехал домой, в кино они не попали. Галина никогда не угощала Веру Михайловну чаем, она всегда давала ей понять: риелтор кто-то вроде горничной, обслуживающий персонал, человек второго сорта. Сухое красное вино Вера опять же с собой не

приносила, чашки не разбивала, порезов у нее не было, кровь с помощью ваты она не останавливала. И объяснить, откуда все взялось, она не может.

Чернова попыталась все это рассказать следователю Григорию Беркутову, но тот ей ответил:

– Можете болтать что угодно, но улики никогда не врут. Куда деньги спрятали? Признавайтесь…

– Понятно, почему он ей не поверил, – вздохнула я. – И что случилось потом? Вера Михайловна все-таки призналась в содеянном? Отдала украденную валюту?

– Нет. Чернова все отрицала и место, где спрятана добыча, не открыла.

– Она и не могла это сделать, – фыркнула я. – Показать, где захованы доллары, равносильно признанию в убийстве. Бедная Лера! Теперь я понимаю, почему Владимир и Ангелина Сергеевна обманули ребенка.

– Не надо делать поспешных выводов, – остановил меня врач, – сначала выслушай историю до конца.

Глава 11

– Вам посчитать? – спросила официантка, подбегая к нашему столику.

– Нет, – возразил мой спутник. – Принесите еще чаю с лимоном и пирожков с мясом. Вот всегда мне после сладкого колбасы хочется… А тебе что?

– Ничего, – отказалась я, – уже съела «картошку».

– Она размером с перепелиное яйцо, совсем крошечная, можешь позволить себе еще пару таких пирожных, – попытался склонить меня к обжорству Гаврюша.

Я решила отвлечь его от еды.

– Почему Вера, очутившись в СИЗО, замолчала?

Собеседник поднял указательный палец.

– Чернова открыла Драпкину правду. Человек, который впервые очутился за решеткой, испытывает стресс. И Вера не стала исключением. Сначала ее поместили в многоместную камеру, где шумела масса баб: воровки, наркоманки, убийцы. Чернову охватил безумный страх, она неделю вообще не спала и ничего не ела. Кормили в изоляторе отвратительно, а с воли ей никто посылок не передавал. Форму подследственным не выдают, Чернова была все время в той одежде, в которой ее привезли. Представляешь, во что превратились вещи? Мыла, шампуня, зубной пасты у владелицы агентства при себе не было, туалетной бумаги тоже.

– Просто ужас, – поежилась я. – Разве можно держать человека в таких условиях? Если поместили за решетку, государство обязано обеспечить преступника одеждой, средствами гигиены, едой, лекарствами…

– В СИЗО находятся не преступники, – уточнил Гаврюша, – так назвать человека может только суд. До вынесения приговора все невиновны, просто подследственные. Ладно, не стану углубляться в ненужные дебри…

Примерно через неделю или дней десять Веру вдруг переместили в крохотную камеру, где находились всего двое – Лена и Катя, фамилий своих они не назвали. Товарки приняли Веру радушно, угостили чаем, печеньем из своих запасов. Голодная Чернова от души поела и мгновенно заснула. Посреди ночи она ощутила, что кто-то ее трясет, проснулась и онемела – около шконки стояла белая фигура, лицо ее закрывал капюшон. Привидение протянуло к Черновой окровавленные руки и завыло:

– Если скажешь хоть слово, умрешь… Если откроешь рот, умрешь… Если будешь болтать, умрешь…

А потом из его рук вырвался сноп искр…

Вера лишилась чувств. Она пришла в себя, когда по лицу что-то потекло. В камере было душно. Лена сидела на нарах, а Катя стояла около Черновой с

кружкой в руке.

– Жива? – поинтересовалась она.

– Кто это был? – прошептала Вера.

Катя поставила кружку на стол.

– Извини, водой тебя обрызгала… ты призрака видела, да? Понимаешь, изолятор очень старый, его при каком-то царе построили. Недавно к зданию современную часть добавили, но мы находимся в подвале самого древнего коридора. Тут живет привидение кровавой барыни Салтычихи, которая много женщин на тот свет отправила. Призрак является только тем, кого любит, а по сердцу ему такие же, как он сам, серийные убийцы. Всегда им хорошие советы дает.

– Вы ее тоже заметили? – прошептала Вера.

– Жуть, – передернулась Лена, – чуть со страху не умерли. Правда, Кать?

Та молча кивнула.

– Но слов его мы не слышали, – продолжала Елена, – только тебе они предназначались. Чего Салтычиха-то велела?

– Молчать, – еле слышно пролепетала Чернова, – ни слова не произносить.

Лена схватилась за щеки.

– Ой, а ты с нами болтаешь! Беда случится, точно. Все, захлопни рот навсегда!

– И как тогда жить? – заплакала Вера.

– Молча, – отрезала Лена. – Не реви. Господь все управит. Просто не мели языком. Катька, налей ей чаю!

Вера выпила содержимое кружки, которую подала ей Катя, быстро заснула и увидела сон. Такой яркий, словно явь!

Салтычиха, по-прежнему одетая во что-то белое, сидела на спальном месте Лены, потом медленно встала и стала приближаться к Черновой… Лица привидения было не видно, оно, как и в прошлый раз, оказалось закрыто низко опущенным капюшоном.

– Не послушалась меня, развязала поганый язык, – зашептала известная своей лютой жестокостью барыня. – Сама виновата, кровь всех тобой убитых сейчас проступит.

Салтычиха резким движением сбросила капюшон, обнажился желтый череп с пустыми глазницами, несколькими торчащими в разные стороны гнилыми зубами, с которых стекали бордовые капли. Фантом поднял руку…

Вера заорала, почувствовала, как на ее лицо попала какая-то жидкость. Чернова во сне вскочила на дрожащие ноги, увидела, что вся ее одежда в крови, большие и мелкие алые пятна были повсюду: на юбке, на чулках, на обуви. Чернова хотела заорать, но из горла не вырвалось ни звука… Больше она ничего не помнила. Как оказалась в одиночной палате психиатрической лечебницы? Почему и как ее вывезли из СИЗО? Может ли Салтычиха появиться в больнице? По какой причине все это происходит с ней, ведь она никому не сделала зла? Отчего ее обвиняют в убийствах? Что ее ждет впереди?

Много вопросов теснилось в голове у Веры, но она не могла их задать, потому что у нее начисто пропал голос. И вообще ей было очень-очень плохо. Голова кружилась, мысли путались, при виде любой еды тошнило, желудок взбунтовался так, что она не могла отойти от унитаза. Дни слились в один: Вере делали уколы, потом появился мужчина, он что-то говорил, его губы шевелились…

Гаврюша махнул рукой.

– Психогенный шок, заболевание, появляющееся вследствие перенесенной психической травмы или сильного эмоционального потрясения. Для него характерно помрачение сознания, бред, двигательные и аффективные расстройства. Хорошая новость: болезнь носит временный, обратимый характер.

При правильном и своевременном лечении можно достичь полного выздоровления.

– Жуть, – пробормотала я.

– Да, приятного мало, – кивнул Гаврюша. – Драпкин начал работать с Черновой и спустя некоторое время понял: она не убийца. Кто-то очень постарался, чтобы запугать ее. Кирилл сделал для нее все, что мог – добился освобождения бедняжки, которую признали социально неопасной.

– Где она живет? – спросила я.

Гаврюша развел руками.

– От Драпкина я знаю, что его пациентка сменила фамилию, стала Мамаевой. Вопрос про ее жилье не ко мне. Но, наверное, адрес можно узнать по справке. Краткий итог нашей долгой беседы: Вера жива. И с большой долей вероятности можно сказать: она ни в чем не виновата.

– А как Драпкин понял, что пациентка не убийца? – полюбопытствовала я.

Собеседник вынул из сумки кошелек.

– Я задал ему тот же вопрос, но Кирилл улетал в командировку, времени у него уже не было. Надо найти Веру и поговорить с ней. У меня есть кое-какие знакомства в полиции, могу поискать ее адрес. Хочешь совет? Не надо ничего пока рассказывать Валерии. Пообщайся с Черновой, объясни ей, что дочь ее видела. Пусть Вера тебе растолкует, почему Драпкин счел ее невиновной. Повторяю: не езди пока к Лере. Что ты ей сейчас можешь сказать? Что ее маму арестовали как серийную убийцу, но не отправили на зону, потому что она временно сошла с ума? Вера Михайловна жива, ее отпустили, признав социально неопасной? А теперь поставь себя на место девочки и представь, что это тебе сообщили столь замечательную новость. И как ты отреагируешь? Не всякий взрослый может выслушать такое известие, устояв на ногах. А девочка точно впадет в истерику и, боюсь, натворит бед.

Глава 12

На работу я вернулась в глубокой задумчивости. Часы показывали ровно два. К шести мне надо приехать в гимназию и делать юным актерам макияж. Непонятно почему Зинаида Федоровна, руководитель местной театральной студии, хочет, чтобы каждая репетиция протекала при полном параде. Что ж, плата начисляется за каждый мой приезд, поэтому я просто молча раскрашу лица ребят.

Гаврюша отсоветовал мне искать телефоны отца и бабушки Леры, чтобы рассказать им о воскрешении Веры. Владимир Николаевич и Ангелина Сергеевна, конечно же, в курсе того, что она не умерла, а спрятана от посторонних и от Леры в психлечебнице. Но слышали ли они об ее освобождении? И уж точно им неведомо, что девочка встретила мать в бутике «Бак». Бывший муж и свекровь не придут в восторг, выяснив, что Веру узнала Лера: они могут отправить дочь за границу. И самое главное, доктор Драпкин считает, что Владимир Николаевич как-то причастен к ужасу, который случился с его женой. Но вот почему психиатр так решил, он объяснить не успел, потому что спешил в аэропорт. Ни в коем случае нельзя предупреждать Чернова о том, что я хочу найти Веру.

– Степа! – громко сказал кто-то у меня за спиной.

Я почему-то испугалась, резко повернулась, услышала звук «крак», который произвел мой позвоночник, ощутила острую боль и схватилась за поясницу.

– Что случилось? – испугалась заведующая отделом персонала Лида Корякина.

– Не знаю, – простонала я. – Неудачно дернулась, что-то щелкнуло, и теперь мне очень больно, даже вздохнуть не получается.

– У моей бабульки такая ерундень часто случается, – деловито сообщила Лида. – С возрастом все позвонки на фиг стираются и их со страшной силой клинит. Называется болезнь «старческий артрит». Неприятная штука, но с годами, Степа, всякое случается.

– Спасибо тебе, Корякина, – сказала я, безуспешно пытаясь выпрямиться, – очень хорошо все объяснила. Сколько лет твоей бабуле?

– Девяносто четыре, – весело сообщила сотрудница.

– Мне немного меньше, – заметила я. – Поэтому у меня пока не должно быть болячек, которые у пожилых людей случаются.

– Знаешь, Степа, календарь не показатель, – начала вещать Корякина, – один человек и в сто лет огурец, а другой в двадцать больной кролик, вроде нашего главного визажиста, которой сейчас спинку перекорежило.

– Еще одно мое тебе нижайшее мерси, – прошипела я, – на сей раз за сравнение с простуженным кроликом. Зачем ты тут стоишь? Ступай себе мимо, иди, куда шла!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Подробно о детстве Степы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Развесистая клюква Голливуда».

2

Faux pas (фр.) – произносится на русском, как фо па, дословный перевод: неверный шаг. Выражение используют, желая сказать, что кто-то совершил неправильный поступок. – Здесь и далее примечания автора.

3

Степа вспоминает историю, которая описана в книге Дарьи Донцовой «Бизнес-план трех богатырей».

4

Эта история рассказана в книге Дарьи Донцовой «Бизнес-план трех богатырей».

5

Харон – в греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в Аид, подземное царство мертвых. Всегда изображался мрачным старцем в рубище, в правой руке у него весло, левой Харон берет плату за услуги.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/goloe-plat-e-zvezdy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить